

Жизнь Арсеньева

I - II.

.....
.....

III.

.....

Изъ Васильевского я ѣхалъ верхомъ, подъ тихимъ и свѣтлымъ утреннимъ дождикомъ, который то переставалъ, то опять сыпался по весеннему, среди пашень и паровъ, уже зароставшихъ желтымъ цвѣтомъ сорныхъ травъ. Мужики пахали и сѣяли. Мужикъ, босикомъ, шелъ за сохой, качаясь, оступаясь бѣлыми косыми ступнями въ мягкую борозду, лошадь развргивала ее, крѣлко натуживаясь, горбясь, за сохой вилялъ по бороздѣ синій грачъ, то и дѣло хватая въ ней малиновыхъ червей, за грачемъ большимъ, ровнымъ шагомъ шагаль мужикъ безъ шапки, съ сѣвалкой черезъ плечо, широко и какъ то благородно-щедро поводя правой рукой, правильными полукружіями осыпая землю зерномъ...

Въ Батуринѣ было даже больно отъ той любви, радости, съ которой былъ встрѣченъ я. Помню, что больше всего поразила меня даже не радость матери, а радость сестры, — я не чаялъ такой радости и такой прелести любви и радости, съ которой она, выглянувъ въ окно, кинулась ко мнѣ на крыльцо. И какъ она была прелестна вся — своей чистотой, юностью, какъ невинна, свѣжа была даже своимъ новенькимъ платьицемъ. въ первый разъ на_

дѣтѣмъ въ этотъ день (ради меня: «Представь, Алешенька! Видѣла нынче во снѣ, что ты пріѣхалъ, и все утро ждала тебя!»). Очаровалъ меня и домъ — своей старинной прекрасной грубостью. Въ моей комнатѣ все было такъ, точно я только что вышелъ изъ нея: все по-прежнему, все на тѣхъ же мѣстахъ, — даже та наполовину сгорѣвшая сальная свѣча въ тяжеломъ желѣзномъ подсвѣчникѣ, которая осталась на письменномъ столѣ въ день моего отъѣзда зимой. Я вошелъ, перекрестился на черныя иконы въ углу, посмотрѣлъ кругомъ: за старинными окнами съ цвѣтными верхними стеклами видны деревья и небо, — кое-гдѣ голубѣющее и сыплющее мелкимъ дождемъ на зеленѣющія вѣтви и сучья, — въ комнатѣ все нѣсколько сумрачно, просторно, глубоко... потолокъ темный, деревянный, гладкій, изъ такихъ-же темныхъ, гладкихъ бревенъ и стѣны... гладки и тяжки круглые отвалы дубовой кровати...

Вечеромъ я легъ въ постель чистый душой и тѣломъ до холода. Въ постель — въ память Анхень — взялъ «Фауста» — и какъ разъ открылъ на стихѣ:

Достань ея подвязку
Иль ленточку съ ея груди...

IV.

Для новой поѣздки въ Орелъ оказался дѣловой предлогъ: нужно было отвезти проценты въ банкъ. И я повезъ, но заплатилъ только часть, остальное растратилъ. Это былъ поступокъ не шуточный, но со мной дѣлалось что-то странное — я не придавалъ ему особаго значенія. Я вообще дѣйствовалъ съ какой-то бессмысленно-счастливой рѣшительностью. Ѣдучи въ Орелъ, опоздалъ къ пассажирскому поѣзду и тотчасъ устроился на паровозъ товарнаго. (Помню, влѣзъ по высокой желѣзной подножкѣ

во что-то грубое, грязное, стою и смотрю. Машинисты въ чемъ-то сверхъ мѣры засаленномъ, желѣзно блестящемъ; такъ же засалены, блестящи и лица ихъ, негритянскіи разительны бѣлки, словно нарочно, какъ у актеровъ, подмазаны вѣки. Молодой рѣзко гремитъ желѣзной лопатой въ каменномъ углѣ, наваленномъ на полу, съ громомъ откидываетъ заслонку топки, оттуда адски вырывается красный огонь, и размашисто осаживаетъ этотъ адъ чернотой угля, старшій перетираетъ пальцы какой-то ужасающей по своей сальности тряпкой и, швырнувъ ее, что-то дергаетъ и что-то повертываетъ... Раздается рѣшительный, раздрающій уши свистъ, откуда-то горячо обдаетъ и окутываетъ ослѣпляющій паръ, оглушаетъ что-то вдругъ загрохотавшее — и медленно тянетъ впередъ плавное движеніе... Какъ дико грохочетъ этотъ грохотъ потомъ, какъ все растетъ и растетъ наша сила, прыть, какъ все вокругъ трясется, мотается, прыгаетъ! Застываетъ, напряженно каменѣетъ время, однообразно и крѣпко бьетъ точно водой снаружи, ровно трещетъ по буграмъ съ боковъ огнедыщаций, драконій бѣгъ — и какъ быстро кончается каждый перегонъ! А на каждой передышкѣ послѣ него, въ мирной тишинѣ ночи и станціи, пахнетъ лѣсомъ, лѣснымъ ночнымъ воздухомъ и изъ всѣхъ окрестныхъ кустовъ бьетъ, торжествуетъ, блаженствуетъ соловьиное пѣніе). Въ Орлѣ я непристойно нарядился, — тонкіе щегольскіе сапоги, тонкая черная поддевка, шелковая красная косоротка, черный съ краснымъ околышемъ дворянскій картузь, — купилъ дорогое кавалерійское сѣдло, которое было такъ восхитительно своей скрипящей и пахучей кожей, что, ѣдучи съ нимъ домой, я не могъ заснуть отъ радости, что оно лежитъ возлѣ меня. Ёхалъ опять на Писарево — съ цѣлью купить еще и лошадь — тамъ какъ разъ въ эту пору была въ селѣ конская ярмарка. На ярмаркѣ подружился съ нѣкоторыми изъ своихъ сверстниковъ, тоже все въ поддевкахъ и дворянскихъ картузахъ, уже давнихъ завсегдатаевъ ярмарокъ, и съ ихъ помощью купилъ

молодую, породистую кобылу (хотя цыганъ отчаянно навязывалъ мнѣ стараго мерина, запаленнаго донца, — «купи, баринъ, Мишу, вѣкъ будешь любить меня за Мишу!»). Лѣто послѣ того стало для меня сплошнымъ праздникомъ — я и трехъ дней подрядъ не проводилъ въ Батуриный: все гостилъ у своихъ новыхъ друзей, а когда она вернулась изъ Орла, сталъ пропадать въ городѣ...

Не было ничего, кромѣ удовольствія веселыхъ встрѣчъ. Но вотъ, — это было уже въ концѣ лѣта, — одинъ изъ этихъ друзей, жившій съ сестрой и старикомъ отцомъ въ имѣнницѣ недалеко отъ города, на обрывистомъ берегу Воргла и тоже бывавшій у нея, пригласилъ къ себѣ довольно большое общество на именинный обѣдъ. За ней онъ прѣхалъ самъ, она ѣхала съ нимъ въ шарабанчикѣ, я сзади, верхомъ. Радовалъ солнечный, сухой просторъ полей, открытыя и какъ-бы песчаныя поля были безъ конца покрыты копнами. Все играло во мнѣ, требовало чего-то отчаянно-ловкаго. Я безбожно горячилъ и сдерживалъ лошадь, потомъ пускалъ ее и на всемъ скаку махалъ черезъ копны, въ кровь разсѣкая ей бабки острыми подковами. Именинный обѣдъ на огромномъ прогнившемъ балконѣ длился до вечера, вечеръ незамѣтно слился съ ночью, съ лампами, виномъ, пѣснями и гитарами. Я сидѣлъ рядомъ съ ней и уже безъ всякаго стыда держалъ ея руку въ своей, и она не отнимала ея. Поздно ночью мы, точно сговорившись, встали изъ-за стола и сошли съ балкона въ темноту сада, она остановилась въ его теплой чернотѣ и, прислонясь спиной къ дереву, протянула ко мнѣ руки, — я не могъ разглядѣть, но тотчасъ угадалъ ихъ движеніе... Помню, какъ быстро посѣрѣло послѣ того въ саду, какъ хрипло и какъ-то безпомощно-блаженно стали кричать въ усадьбѣ молодые пѣтушки, какъ, еще черезъ минуту, сталъ свѣтелъ весь садъ отъ огромнаго золотистаго востока, раскрывшагося за нимъ надъ желтыми полями за рѣчной изменностью... Потомъ мы стояли на обрывѣ надъ этой изменностью и она, глядя на солнечно

разгорающийся небосклонъ и уже какъ-бы совсѣмъ не за-
мѣчая меня, пѣла «Утро» Чайковскаго...

Оборвавъ на высокомъ, недоступномъ ей звукѣ, она
подхватила нарядныя оборки батистовой юбки и побѣ-
жала къ дому. Я остановился, растерянный, но уже неспо-
собный не только соображать что-нибудь, но просто дер-
жаться на ногахъ. Я отошелъ подь большую старую бере-
зу, стоящую на скатѣ обрыва въ сухой травѣ, и прилежъ
подь ней. Былъ уже день, солнце взошло и какъ-то сразу,
какъ всегда въ концѣ лѣта, въ погожую пору, наступило
свѣтлое жаркое утро. Я положилъ голову на корни бере-
зы и тотчасъ заснулъ. Но солнце разгоралось все жарче,
— вскорѣ я проснулся въ такомъ зноѣ и блескѣ, что всталъ
и, какъ пьяный, пошелъ въ домъ. Весь домъ еще спалъ,
стоя въ сухомъ, ослѣпительномъ свѣтѣ. Не спалъ одинъ
старый хозяинъ. Изъ открытаго окна его кабинета, подь
которымъ густо разрослась одичавшая сирень, слышал-
ся его неторопливый кашель, въ которомъ чувствовалась
старческое наслажденіе деревенскимъ утромъ, первой ут-
ренней трубкой, утреннимъ стаканомъ крѣпкаго чаю со
сливками. На мои шаги и шумъ воробьевъ, ливнемъ со-
рвавшихся отъ меня съ блестящей подь солнцемъ сире-
ни, онъ выглянулъ въ окно, запахивая на груди старень-
кій халатикъ изъ турецкаго узорчатаго шелка, показавъ
свое странное отъ запухшихъ глазъ и громадной сѣдой
бороды лицо и улыбнулся съ необыкновенной добротой.
Я виновато поклонился, прошелъ по балкону въ раскрытыя
двери гостиной, совершенно прелестной своей утренней
тишиной и пустотой, летающими въ ней бабочками, си-
ними старинными обоями, креслами и диванчиками, легъ
на одинъ изъ этихъ диванчиковъ, на рѣдкость неудобный
своей изогнутостью, и опять заснулъ самымъ простымъ,
глубокимъ сномъ. Но тутъ, — будто-бы тотчасъ-же, хо-
тя спалъ я долго, — кто-то подошелъ ко мнѣ и, смѣясь,
что-то сталъ говорить, путать мнѣ волосы. Я очнулся —
передо мной стояли молодые хозяева, братъ и сестра, оба

черные, огнеглазые, по татарски красивые, онъ въ желтой шелковой косовороткѣ, она въ такой-же кофточкѣ. Я вскочилъ и сѣлъ: они какъ-то очень хорошо говорили, что пора вставать, завтракать, что она уже уѣхала, и не одна, а съ Кузьминымъ, и подали мнѣ записочку. Я тотчасъ вспомнилъ глаза Кузьмина, — бойкіе, дерзкіе, какіе-то пестрые, цвѣта пчелы, — взялъ записочку, пошелъ въ какую-то заднюю комнату, — тамъ смиренно ждала меня надъ табуретомъ съ тазомъ, держа въ худой рукѣ, покрытой гречкой, кувшинъ съ водой, какая-то старушка во всемъ темненькомъ, — на ходу прочелъ: «Не старайтесь больше меня видѣть» — и сталъ умываться. Вода была леденая, острая — «у насъ вѣдь ключевая-съ, колодезная», — сказала старушка и подала мнѣ длиннѣйшее льняное полотенце. Я вытерся, потомъ быстро прошелъ прихожую, взялъ картузь и нагайку, пробѣжалъ черезъ жаркій дворъ въ конюшню... Лошадь тихонько и горестно заржала мнѣ навстрѣчу изъ сумрака, — она какъ была такъ и осталась подъ сѣдломъ, стояла возлѣ пустыхъ яслей, съ подведенными пахами, — я схватилъ поводъ, вскочилъ въ сѣдло, все еще какъ-то дико-восторженно сдерживая себя, и помчался вонъ со двора. За усадьбой я круто свернулъ въ поле, понесся куда глаза глядятъ по шуршащему жнивью, осадилъ лошадь подъ первой попавшейся копной и, сорвавшись съ сѣдла, сѣлъ подъ ней... Лошадь шумѣла, хватая зубами и таща къ себѣ снопы за сыплющіеся точно стекляннымъ зерномъ колосья, тысячами чашиковъ знойно торопились въ жнивьѣ и въ снопахъ кузнечики, песчаной пустыней простирались вокругъ свѣтлыя поля — я ничего не слыхалъ, не видалъ, мысленно твердя одно: «Не старайтесь меня больше видѣть!» Всѣмъ существомъ я былъ увѣренъ теперь, будто всегда, съ самой первой встрѣчи, любилъ ее самой страстной любовью, и зналъ, чувствовалъ: или она вернетъ мнѣ себя, эту ночь, это утро, эти батистовыя оборки, зашумѣвшія отъ ея за-

мелькавшихъ въ сухой травѣ ногъ, или не жить намъ об-
оимъ!

Съ этими сумасшедшими чувствами, съ безумной увѣ-
ренностью въ нихъ я прискакалъ передъ вечеромъ въ го-
родъ...

V.

Я надолго остался послѣ того въ городѣ, по цѣлымъ
днямъ сидѣлъ съ ней въ запыленномъ садикѣ, что былъ въ
глубинѣ двора при домѣ ея отца, — отецъ (безпечный че-
ловѣкъ, либеральный докторъ) ни въ чемъ ее не стѣснялъ.
Съ того вечера, когда я прискакалъ къ ней съ Воргла, и
она, увидавъ мое лицо, по дѣтски прижала обѣ руки къ
груди, въ ней не осталось и подобія прежней. Теперь уже
нельзя было понять, чья любовь сильнѣй, счастливѣй,
безсмысленнѣй, — моя или ея (тоже какъ-то вдругъ и не-
извѣстно откуда взявшаяся). Наконецъ, чтобы хоть не-
много дать другъ другу отдохнуть, мы рѣшили на время
разстаться. Это было необходимо тѣмъ болѣе, что, живя
на мѣлокъ въ Дворянской гостиницѣ, я уже давно впалъ
въ неоплатный долгъ. Пошли къ тому же дожди. Я оття-
гивалъ разлуку всячески — напослѣдокъ собрался съ си-
лами и пустился подъ ливнемъ домой. Дома я сперва все
только спалъ, тихо скитаясь изъ комнаты въ комнату, ни-
чего не дѣлая, ни о чемъ не думая. Потомъ сталъ задумы-
ваться: что же это однако происходить со мной и чѣмъ
все это кончится? Однажды пришелъ братъ Николай, во-
шелъ въ мою комнату, сѣлъ, не снимая поддевки и карту-
за, и сказалъ:

— Итакъ, мой другъ, романтическое существованіе
твое благополучно продолжается. Все по прежнему: «не-
сетъ меня лиса за темные лѣса, за высокія горы», а что за
этими лѣсами и горами — невѣдомо. Я вѣдь все знаю,
многое слышалъ, объ остальномъ догадываюсь — исто-

ри-то эти всё на одинъ ладъ. Знаю и то, что тебѣ теперь не до здравыхъ разсужденій. Ну, а все-таки: какія же твои дальнѣйшія намѣренія?

Я отвѣтилъ какъ-бы шутя:

— Всякаго несетъ какая-нибудь лиса. А куда и зачѣмъ, одинаково никому неизвѣстно. Въ Писаніи сказано: «Иди, юноша, въ молодости твоей, куда ведетъ тебя сердце твое и куда глядятъ глаза твои!»

Братъ помолчалъ, глядя въ поле и какъ бы слушая шумъ дождя по осеннему жалкому саду, потомъ очень грустно сказалъ:

— Ну, иди, иди...

Я измучился, все спрашивая себя: что дѣлать? Было вполне ясно, что именно. Но чѣмъ настойчивѣе старался я внушать себѣ, что завтра-же надо написать рѣшительное, прощальное письмо, — это было еще возможно, послѣдней близости между нами еще не было, — тѣмъ все больше охватывала меня нѣжность къ ней, восхищеніе ею, какое-то благодарное умиленіе ея любовью ко мнѣ, прелестью ея глазъ, лица, смѣха, голоса... А черезъ нѣсколько дней, въ сумерки, появился вдругъ во дворѣ усадьбы верховой, мокрый съ головы до ногъ посыльный, подавшій мнѣ мокрую депешу: «Больше не могу, жду». Я не спалъ до разсвѣта отъ страшной мысли, что черезъ нѣсколько часовъ увижу, услышу ее...

Такъ, то дома, то въ городѣ, провель я всю осень. Я продалъ сѣдло, лошадь, въ городѣ жилъ уже не въ Дворянской гостиницѣ, а на подворьи Никулиной, на Щепной площади. Городъ теперь былъ другой, совсѣмъ не тотъ, въ которомъ шли когда-то мои отроческіе годы. Все было простое, будничное, — только иногда, проходя по Успенской улицѣ, мимо сада и дома гимназіи, ловилъ я что-то какъ будто близкое душѣ, когда-то пережитое. Уже давно я привычно курилъ, привычно брился въ парикмахерской, гдѣ когда-то сидѣлъ съ такой дѣтской покорностью, искоса поглядывая, какъ подъ непрерывно

стрекочущими ножницами падают на пол мои шелковистые волосы... Теперь мы съ утра до вечера сидѣли на турецкомъ диванѣ въ столовой, въ напрасныхъ попыткахъ что-нибудь вмѣстѣ читать и почти всегда въ одиночествѣ: докторъ съ утра уѣзжалъ, десятилѣтній гимназистъ, ея братъ, уходилъ въ гимназію, послѣ завтрака докторъ спалъ и опять куда-нибудь уѣзжалъ, а гимназистъ часами занятъ былъ бѣшеной бѣготней, свалкой со своимъ рыжимъ Волчкомъ, который, притворно ярясь, лая, захлебываясь, носился вверхъ и внизъ по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ. Одно время эти однообразныя сидѣнія и, можетъ быть, моя неумѣренная, неизмѣнная чувствительность наскучили ей — она стала находить предлоги уходить изъ дому, бывать у подругъ, у знакомыхъ, а я сталъ сидѣть на диванѣ одинъ, слушая крики, хохотъ, топотъ гимназиста и театральнѣйшій визгъ, лай Волчка, бѣсившагося на лѣстницѣ, сквозь слезы глядя въ полузавазаннныя окна на ровное сѣрое небо, куря папиросу за папиросой... Потомъ опять что-то случилось съ ней: опять она стала сидѣть дома, стала такъ ласкова, добра ко мнѣ, что я совсѣмъ потерялъ понятіе, что она за человѣкъ. «Что-жъ, миленькій, сказала она мнѣ разъ, видно, такъ тому и быть!» — и, радостно морщась, заплакала. Это было какъ-то послѣ завтрака, когда въ домѣ всѣ ходили на цыпочкахъ, оберегая отдыхъ доктора. — «Мнѣ только папу страшно жалко, для меня никого въ мірѣ нѣтъ дороже его!» — сказала она, какъ всегда, удивляя меня своей чрезмѣрной любовью къ отцу. И, какъ нарочно, тотчасъ же послѣ того вдругъ прибѣжалъ гимназистъ, говоря, что докторъ проситъ меня къ себѣ. Она поблѣднѣла. Я поцѣловалъ ея руку и быстро пошелъ.

Докторъ встрѣтилъ меня съ ласковымъ весельемъ отлично выспавшагося и только что умывшагося послѣ сна человѣка, напѣвая и закуривая.

— Мой молодой другъ, — сказалъ онъ, предлагая курить и мнѣ, — я давно хотѣлъ поговорить съ вами, — вы

понимаете, о чемъ. Вамъ отлично извѣстно, что я человекъ безъ предрасудковъ. Но мнѣ дорого счастье дочери, отъ души жаль и васъ, и потому поговоримъ начистоту, какъ мужчина съ женщиной. Какъ это ни странно, но вѣдь я васъ совсѣмъ не знаю. Скажите-же мнѣ прежде всего: кто вы такой? — сказалъ онъ съ улыбкой.

Краснѣя и блѣднѣя, я сталъ усиленно затягиваться. Кто я такой? Хотѣлось отвѣтить съ гордостью, по-гетевски (я только что прочелъ тогда Эккермана): «Я самъ себя не знаю, и избави меня, Боже, знать себя!» — Я однако сказалъ совсѣмъ скромно:

— Вы знаете, что я пишу... Буду продолжать писать, работать надъ собой... Буду жить тѣмъ заработкомъ, который уже началъ получать...

И неожиданно прибавилъ:

— Можетъ быть, подготавливаю и поступлю въ университетъ...

— Университетъ, это, конечно, прекрасно, — отвѣтилъ докторъ. — Но вѣдь подготовиться къ нему дѣло не шуточное. И къ какой именно дѣятельности вы хотите готовиться? Къ литературной только или и къ общественной?

И снова вздоръ полѣзъ въ голову — снова Гете: «Я живу въ вѣкахъ, съ чувствомъ несноснаго непостоянства всего земнаго... Политика никогда не можетъ быть дѣломъ поэзіи...»

— Общественность не дѣло поэта, — отвѣтилъ я.

Докторъ взглянулъ съ легкимъ удивленіемъ:

— Такъ что Некрасовъ, напримѣръ, не поэтъ по вѣществу? Но вы все-таки слѣдите хоть немного за текущей общественной жизнью, знаете, чѣмъ живетъ и волнуется въ настоящій моментъ всякій честный и культурный русскій человекъ?

Я подумалъ и представилъ себѣ то, что зналъ: всѣ говорятъ о реакціи, о земскихъ начальникахъ, о томъ, что камня на камнѣ не оставлено отъ всѣхъ благихъ начина-

ній «эпохи великхъ реформъ»... что Толстой зоветъ «въ келью подь елью»... что живемъ мы по-истинѣ въ чеховскиххъ «Сумеркахъ»... Я вспомнилъ книжечку изреченій Марка Аврелія, распространяемую толстовцами: «Фронтонъ научилъ меня, какъ черствы души людей, слывущихъ аристократами...» Вспомнилъ печальнаго старика-хохла, съ которымъ плыль весной по Днѣпру, не то тоже толстовца, не то какого-то сектанта, все твердившаго мнѣ на свой ладъ слова апостола Павла: «Якъ Господь посадивъ одесную Себя Христа на небесахъ, превыше всякаго начальства, и власти и силы, и господства, и всякаго имени, именуемаго не только въ семь вѣкѣ, но и въ будущемъ, такъ брань наша не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ міроправителей тьмы вѣка сего...» Я почувствовалъ все уже давнее тяготѣніе къ толстовству, освобождающему отъ всякихъ общественныхъ узъ и грѣховъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ополчающемуся на «міроправителей тьмы вѣка сего», ненавистныхъ и мнѣ, — и пустился въ проповѣдь толстовства.

— Такъ что, по вашему, единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ и бѣдъ въ этомъ пресловутомъ недѣланіи, непротивленіи? — спросилъ докторъ съ преувеличеннымъ безразличіемъ.

Я поспѣшилъ отвѣтить, что я за дѣланіе и за противленіе, «только совсѣмъ особое»... Мое толстовство складывалось изъ тѣхъ сильныхъ противоположныхъ чувствъ, которыя возбуждали во мнѣ Пьеръ Безуховъ и Анатолій Куракинъ, князь Серпуховской изъ «Холстомѣра» и Иванъ Ильичъ, «Такъ что-же намъ дѣлать» и «Много-ли человеку земли нужно», изъ страшныхъ картинъ городской грязи и нищеты, нарисованныхъ въ статьѣ о московской переписи, и поэтической мечты о жизни, любви и работѣ среди природы, среди народа, которую создавали во мнѣ «Казакъ» и мои собственныя впечатлѣнія отъ Малороссіи: какое это счастье — отряхнуть отъ ногъ прахъ всей нашей неправедной жизни и замѣнить ее чистой, трудовой

жизнью гдѣ-нибудь на степномъ хуторѣ, въ бѣлой мазанкѣ на берегу Днѣпра! Кое-что изъ всего этого, опустивъ мазанку, я и сказалъ доктору. Онъ слушалъ, казалось внимательно, но какъ-то черезчуръ снисходительно. Одну минуту у него помутились глаза и задрожали отъ приступа зѣвоты сжатая челюсти, но онъ одолѣлъ себя и сказалъ:

— Да, да, я васъ слушаю... Значить, вы не ищете лично для себя никакихъ, такъ сказать, обычныхъ благъ «міра сего»? Но вѣдь есть же не только личное. Я, напримѣръ, далеко не восхищаюсь народомъ, хорошо, къ сожалѣнію, зная его, весьма мало вѣрю, что онъ есть кладезь и источникъ всѣхъ премудростей и что я обязанъ вмѣстѣ съ нимъ утверждать землю на трехъ китахъ, но неужели все-таки мы ничѣмъ ему не обязаны и ничего не должны ему? Впрочемъ, не смѣю поучать васъ въ этомъ направленіи. Я во всякомъ случаѣ очень радъ, что мы побесѣдовали. Теперь-же вернусь къ тому, съ чего началъ. Скажу кратко и, простите, совершенно твердо. Каковы бы ни были чувства между вами и моей дочерью и въ какой бы стадіи развитія они ни находились, скажу заранѣе: она, конечно, совершенно свободна, но, буде, пожелаетъ, напримѣръ, связать себя съ вами какими-либо прочными узами и спросить на то моего, такъ сказать, благословенія, то получить отъ меня рѣшительный отказъ. Вы очень симпатичны мнѣ, я желаю вамъ всяческихъ благъ, но это такъ. Почему? Отвѣчу совсѣмъ по обывательски: не хочу видѣть васъ обоихъ несчастными, прозябающими въ нуждѣ, въ неопредѣленномъ существованіи... И потомъ, позвольте говорить ужъ совсѣмъ откровенно: что у васъ общаго? Она дѣвочка хорошенькая и, нечего грѣха таить, довольно перемѣнчивая, — нынче одно увлеченіе, завтра другое, — мечтаетъ, ужъ конечно, не о толстовской кельѣ подъ елью, — посмотрите-ка, какъ она одѣвается, не взирая на наше захолустье. Я отнюдь не хочу сказать, что она испорченная, я только думаю, что она, какъ говорится, совсѣмъ не пара вамъ...

Она ждала меня, стоя подъ лѣстницей, встрѣтила меня вопрошающими и готовыми къ ужасу глазами. Я поспѣшно передалъ ей послѣднія слова доктора. Она опустила голову:

— Да, противъ него я никогда не пойду, — сказала она.

VI.

Живя на подворьи Никулиной, я иногда выходилъ и безъ цѣли шель по Шепной площади, потомъ по пустымъ полямъ сзади монастыря, гдѣ стояло старое большое кладбище, обнесенное старыми стѣнами. Тамъ только вѣтеръ дулъ — грусть и глушь, вѣчный покой крестовъ и плить, всѣми забвенныхъ, заброшенныхъ, что-то пустое, подобное одинокой, смутной мысли о чемъ-то. Надъ воротами кладбища была написана безграничная сизая равнина, вся изрытая разверзающимися могилами, наискось падающими надгробіями, поднимающимися изъ-подъ нихъ зубастыми и ребрастыми скелетами и незапамятно-древними старцами и старицами въ блѣдно-зеленыхъ саванахъ. И огромный ангелъ съ трубой возлѣ усть летѣлъ, трубилъ надъ этой равниной, полосами развѣвая блекло-синія одежды, согнувъ въ колѣняхъ голыя дѣвичьи ноги, вскинувъ сзади себя длинныя мѣловыя ступни... На подворьи царилъ осенній, уѣздный миръ, было тоже пусто — подъѣзду изъ деревень почти уже не было. Я возвращался, входилъ во дворъ — навстрѣчу мнѣ, изъ-подъ навѣсовъ двора, несла стараго пѣтуха стряпуха въ мужицкихъ сапогахъ: «Вотъ въ домъ несу, говорила она, неизвѣстно чему смѣясь, — совсѣмъ очумѣлъ отъ старости, нехай теперь со мной квартируетъ...» Я поднимался на широкое каменное крыльцо, проходилъ темныя сѣнцы, потомъ теплую большую кухню съ нарами, шель въ горницы, — тамъ была спальня хозяйки и та комната, гдѣ стояли два большихъ дивана, на ко-

торыхъ спали рѣдкіе прѣзжіе изъ мѣшанъ и духовенства, а чаще всего одинъ я. Тишина, чистота, въ тишинѣ и теплѣ мѣрно стучить изъ спальни, съ комода хозяйки никелевый будильникъ. — «Прогулялись?» — ласково, съ улыбкой милого снисхожденія, спрашиваетъ хозяйка оттуда. Какой очаровательный, гармоническій голосъ! Она была полная, круглоликая. Я порой не могъ спокойно смотрѣть на нее — особенно въ тѣ вечера, когда она, вся алая, возвращалась изъ бани и долго, спокойно пила чай, сидѣла съ еще темными, влажными волосами, съ тихимъ и томнымъ блескомъ глазъ, въ бѣлой ночной кофточкѣ, свободно и широко покоя въ креслѣ свое мягкое, чистое тѣло. Снаружи слышался стукъ: стряпуха затворяла съ улицы крѣпкія сплошныя ставни, гремѣла, продѣвая оттуда въ комнату, въ круглыя отверстія по бокамъ оконъ, желѣзныя шкворни колѣнчатыхъ баутовъ, — нѣчто, напоминающее какія-то старинныя, опасныя времена. Никулина поднималась, вставляла въ дырочки на концахъ баутовъ желѣзные клинушки и опять бралась за чай, и въ комнатѣ становилось еще уютнѣе... Дикія чувства и мысли проходили тогда во мнѣ: вотъ бросить все и навсегда остаться тутъ, на этомъ подворьи, спать въ этой теплой спальнѣ, подъ вѣчный стукъ будильника! Надъ однимъ диваномъ висѣла картина: удивительно зеленый лѣсъ, стоящій сплошной стѣной, подъ нимъ бревенчатая хижинка, а возлѣ хижинки — кротко согнувшійся старчикъ, положившій ручку на голову бурега медвѣдя, тоже кроткаго, смиреннаго, мягколапаго; надъ другимъ — нѣчто совершенно нелѣпое для всякаго, кто долженъ былъ ночевать на немъ: фотографія старика въ гробу, важнаго, бѣлоликаго, въ черномъ сюртукѣ, — покойнаго мужа Никулиной. Изъ кухни, въ ладъ долгому осеннему вечеру, слышался дробный стукъ и протяжное: «У церкви стояла карета, тамъ пышная свадьба была...» — это пѣли и рубили на зиму калусту слободскія дѣвки поденщицы. И во всемъ, — въ этой мѣщанской пѣснѣ, въ мѣрномъ хозяйственномъ стукѣ, въ ста-

рой лубочной картинѣ, даже въ покойникѣ, жизнь котораго все еще какъ бы длилась въ этомъ бессмысленно-счастливомъ житіи подворья, — была для меня, безпріютнаго, безбытнаго, великая грусть: «Ибо и птица обрѣтъ себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ...»

VII.

Въ ноябрѣ я уѣхалъ домой. Прощаясь, мы условились встрѣтиться въ Орлѣ: она выѣдетъ туда перваго декабря, я-же, для приличія, хотъ недѣлей позднѣй. Я уѣхалъ и сталъ ждать перваго. А перваго, въ морозную лунную ночь, поскакалъ въ Писарево, чтобы сѣсть тамъ какъ разъ въ тотъ ночной поѣздъ, съ которымъ она должна была ѣхать изъ города. Какъ вижу, какъ чувствую эту сказочно-дажную ночь! Вижу себя гдѣ-то на поллуги между Батуринымъ и Васильевскимъ, въ ровномъ и глухомъ снѣжномъ полѣ. Пара летитъ, но коренникъ точно на одномъ мѣстѣ трясеть дугой, дробитъ свою крупную рысь, пристяжная ровно взвиваетъ и взвиваетъ задъ, мечетъ и мечетъ вверхъ изъ-подъ заднихъ бѣло-сверкающихъ подковъ снѣжными комьями... порой вдругъ сорвется съ дороги, ухнетъ въ глубокой снѣгъ, заспѣшитъ, зачиститъ, путаясь въ немъ вмѣстѣ съ опавшими постромками, потомъ опять цѣлко выскочитъ и опять несетъ, крѣпко рветъ валекъ... Все летитъ, слѣшитъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ точно стоитъ и ждетъ: неподвижно серебрится вдали, подъ луной, чешуйчатый насть снѣговъ, неподвижно бѣлѣетъ низкая и мутная съ морозу луна, широко и печально-мистически охваченная радужно-туманнымъ кольцомъ, и всего неподвижнѣй я, застывшій въ этой скачкѣ и неподвижности, покоровшійся ей до поры до времени, оцѣпенѣвшій въ ожиданіи, а наряду съ этимъ тихо глядяшій въ какое-то воспоминаніе: вотъ такая-же ночь и такой-же путь въ Васильевское, только это моя первая зима въ Батуриинѣ, и я

еще чистъ, невиненъ, радостенъ — радостью первыхъ дней юности, первыми поэтическими упоеніями въ мірѣ этихъ старинныхъ томиковъ, привозимыхъ изъ Васильевского, ихъ стансовъ, посланій, элегій, балладъ:

Скачутъ. Пусто все вокругъ.
Степь въ очахъ Свѣтланы...

«Гдѣ все это теперь!» думаю я, не теряя однако ни на минуту своего главнаго состоянія, — оцѣпенѣлаго, ждущаго. «Скачутъ, пусто все вокругъ», говорю я себѣ въ ладъ этой скачкѣ (въ ритмъ движенія, всегда имѣвшаго такую ворожащую силу надо мной) и чувствую въ себѣ кого-то лихого, стариннаго, напропалую куда-то скачущаго въ киверѣ и медвѣжьей шубѣ, и о дѣйствительности напоминаетъ только засыпанный снѣгомъ работникъ, въ армякѣ поверхъ полушубка стоящій въ передкѣ, да пересыпанная снѣжной пылью, мерзлая, пахучая овсяная солома, набитая подъ передкомъ въ моихъ застывшихъ ногахъ... За Васильевскимъ, на раскатѣ въ ухабъ, упавшій коренникъ переломилъ оглоблю, — я, пока работникъ связывалъ ее, замиралъ отъ ужаса, что опоздаю къ поѣзду... Пріѣхавъ, тотчасъ на послѣднія деньги купилъ билетъ перваго класса, — она какъ-то бесплатно ѣздила въ первомъ, — и кинулся на платформу... Помню мутный отъ морознаго пара лунный свѣтъ, въ которомъ терялся желтый свѣтъ ея фонарей и освѣщенныхъ оконъ телеграфа... Поѣздъ уже подходилъ, я глядѣлъ въ мутную снѣжную даль, чувствуя себя точно стекляннымъ отъ мороза и ледяного внутренняго трепета. Неожиданно и гулко забилъ колоколъ, рѣзко завизжали и захлопали двери, туго и рѣзко заскрипѣли быстрые шаги выходящихъ изъ вокзала — и вотъ, какъ-то космато зачернѣлъ вдали паровозъ, показался медленно и страшно идущій подъ его тяжелое дыханіе треугольникъ мутно-красныхъ огней... Поѣздъ подошелъ съ трудомъ, весь въ снѣгу, промерзлый, визжа, скрипя, поя...

Я вскочилъ въ сѣнцы вагона, распахнулъ дверь въ него — она, въ шубкѣ, накинутой на плечи, сидѣла въ сумракѣ, подъ задернутымъ вишневою занавѣской фонаремъ, со-всѣмъ одна во всемъ вагонѣ, глядя прямо на меня...

Ночью мы тѣсно лежали на красномъ бархатномъ диванѣ. Вагонъ былъ старый, высокій, на трехъ парахъ колесъ, на бѣгу, на морозѣ онъ весь гремѣлъ и все падалъ, валился куда-то, скрипѣлъ дверями и стѣнками, замерзшія стекла его играли сѣрыми алмазами... Мы были уже гдѣ-то далеко, была поздняя ночь... Все произошло безотчетно, безвольно и, когда произошло, поразило, что дѣйствительно произошло — до конца, непоправимо... Она встала съ горящимъ, ничего не видящимъ лицомъ, поправила волосы и, закрывъ глаза, недоступно сѣла въ уголь...

Вагонъ былъ изъ тѣхъ, что уже и въ то время были рѣдкостью: какъ-бы гостиная, съ ломбернымъ столомъ по серединѣ и большими красно-бархатными креслами вокругъ него и подъ окнами... Когда впоследствии мнѣ случалось иногда, на какой-нибудь глухой вѣткѣ, попадать въ такой вагонъ, неизмѣнно какая-то беззвучная молнія тихо мелькала во мнѣ...

VIII.

Зиму мы жили въ Орлѣ.

Я поселился въ маленькой гостиницѣ, она по прежнему у Авиловой. Тамъ мы проводили почти весь день, а завѣтные часы — въ этой гостиницѣ.

Это было счастье нелегкое, изнурительное.

Помню: какъ-то вечеромъ она была на каткѣ, я сидѣлъ и занимался въ редакціи, — мнѣ тамъ уже стали давать кое-какую работу, нѣкоторый заработокъ, — въ домѣ было пусто и тихо, — Авилова уѣхала на какое-то собраніе, — вечеръ казался безконечнымъ, фонарь, горѣвшій за

окномъ на улицѣ, грустнымъ, никому не нужнымъ, приближающіеся и удаляющіеся шаги прохожихъ, ихъ скрипъ по снѣгу, точно уносили, отнимали что-то отъ меня; сердце мнѣ томила тоска, обида, ревность, — вотъ, я тутъ сижу одинъ, за какой-то нелѣпой, недостойной меня работой, до которой я унизился ради нея, а ей гдѣ-то тамъ, на этомъ ледяномъ пруду, окруженномъ бѣлыми снѣжными валами съ черными елками, оглушаемомъ полковой музыкой, залитомъ сиреневымъ газовымъ свѣтомъ и усѣяномъ летающими черными фигурами, — ей тамъ весело... Вдругъ раздался звонокъ и быстро вошла она. На ней былъ сѣрый костюмъ, сѣрая бѣличья шапочка, въ рукахъ она держала блестящіе коньки, и все въ комнатѣ сразу радостно наполнилось ея морозной молодой свѣжестью, красотой раскраснѣвшагося отъ мороза и движенія лица. — «Охъ! — сказала она, — устала, миленькій!» — и прошла въ свою комнату. Я пошелъ за ней, она бросилась на диванъ, съ усмѣшкой изнеможенія откинулась, все еще держа коньки въ рукахъ... Я съ мучительнымъ и уже привычнымъ чувствомъ смотрѣлъ на ея высокой зашнурованный подъемъ, на ногу, обтянутую тонкимъ сѣрымъ чулкомъ и видную изъ-подъ короткой сѣрой юбки, — даже одна эта плотная шерстяная матерія вождѣленно мучила меня, — стала упрекать ее, — вѣдь мы не видались весь день! — потомъ вдругъ, съ пронзительнымъ чувствомъ нѣжности и жалости, увидаль, что она спитъ... Очнувшись, она ласково и уже грустно отвѣтила: «Я, миленькій, почти все слышала. Не сердись, я устала. Я вообще, должно быть, очень устала. Вѣдь я все-таки много пережила за этотъ годъ!»

.....

IX.

Чтобы найти предлогъ для жизни въ Орлѣ, она начала учиться музыкѣ. Я тоже нашель предлогъ: работу въ «Голосѣ». Первое время все это меня даже радовало: радовала хоть нѣкоторая правильность, наставшая въ моемъ существованіи, успокаивала нѣкоторая обязательность, которая вошла въ мою лишенную всякихъ обязательствъ жизнь. Потомъ все чаще стало мелькать въ умѣ: о такой-ли жизни я мечталъ! Вотъ я, можетъ быть, въ самой лучшей порѣ своей, когда весь міръ долженъ быть въ моемъ обладаніи, а я не обладаю даже калошами! Все это только пока, теперъ? Ну, а что впереди? Все та же жалкая газетная работа въ Орлѣ? Миѣ стало казаться, что далеко не все благополучно и въ нашей близости, въ согласованности нашихъ чувствъ, мыслей, вкусовъ, а значить, и въ ея вѣрности: этотъ «вѣчный раздоръ между мечтой и существенностью», «вѣчную неосуществимость» полноты и цѣльности любви я переживалъ въ ту зиму со всей силой новизны для меня и какъ будто страшной незаконности по отношенію лично ко миѣ.

Больше всего мучился я, когда бывалъ съ ней на балахъ, въ гостяхъ. Когда она танцевала съ кѣмъ-нибудь, кто былъ красивъ, ловокъ, и я видѣлъ ея удовольствіе, оживленіе, быстрое мельканіе ея юбокъ и ногъ, музыка больно била миѣ по сердцу своей бодрой звучностью, а вальсами влекла къ слезамъ. Всѣ любовались, когда она танцевала съ Турчаниновымъ, — тѣмъ противоестественно высокимъ офицеромъ въ черныхъ полубачкахъ, съ продолговатымъ, матово-смуглымъ лицомъ, съ неподвижными темными глазами. Она была довольно высока, — все-таки онъ былъ на двѣ головы выше ея и, тѣсно обнявъ и плавно, длительно кружа ее, какъ-то настойчиво, непроницаемо смотрѣлъ на нее сверху внизъ, а въ ея поднятѣмъ къ нему лицѣ было что-то счастливое и несчастное,

прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно ненавистное мнѣ. Какъ молилъ я тогда Бога, чтобы произошло нѣчто невѣроятное, — чтобы онъ вдругъ наклонился и поцѣловалъ ее и тѣмъ сразу разрѣшилъ, подтвердилъ тяжкія ожиданія, замиранія моего сердца!

— Ты только о себѣ думаешь, хочешь, чтобы все было только по твоему, — сказала она разъ. — Ты бы, вѣрно, съ радостью лишилъ меня всякой личной жизни, всякаго общества, отдѣлилъ бы меня ото всѣхъ, какъ отдѣляешь себя...

И точно: по какому-то тайному закону, требующему, чтобы во всякую любовь и особенно любовь къ женщинѣ входило чувство жалости, сострадающей нѣжности, я жестоко не любилъ — особенно на-людяхъ — минутъ ея веселости, оживленія, желанія нравиться и вообще чѣмъ-нибудь блистать и горячо любилъ ея простоту, тишину, кротость, беспомощность, слезы, отъ которыхъ у нея тотчасъ же по дѣтски вспухали губы... Въ обществѣ я дѣйствительно чаще всего держался отчужденно, недобрымъ наблюдателемъ, втайнѣ даже радуясь своей отчужденности, недоброжелательности, рѣзко обострившей мою впечатлительность, зоркость, пронизательность на счетъ всякихъ людскихъ недостатковъ и низостей... Зато какъ хотѣлъ я близости съ ней и какъ страдалъ, не достигая ея!

Я часто читалъ ей стихи.

— Послушай, до чего это изумительно! — восклицала я, восхищаясь. — «Уноси мою душу въ звенящую даль, гдѣ, какъ мѣсяцъ надъ рошей, печаль!»

Но она особаго изумленія не испытывала:

— Да, это очень хорошо, — говорила она, уютно лежа на диванѣ, подложивъ обѣ руки подъ щеку, глядя искоса, тихо и безразлично. — Но почему «какъ мѣсяцъ надъ рошей»? Это Фетъ? У него вообще слишкомъ много описаній природы.

Я негодовалъ: описаній! — пускался доказывать, что нѣтъ никакой отдѣльной отъ насъ природы, что каждое

малѣйшее движеніе воздуха есть движеніе нашей собственной жизни. Она смѣялась:

— Это только науки, миленькій, такъ живутъ!

Я читаль:

Какая грусть! Конецъ аллен
Опять съ утра исчезъ въ пыли,
Опять серебряныя змѣи
Черезъ сугробы поползли...

Она спрашивала:

— Какія змѣи?

И нужно было объяснять, что это — метель, поземка...

Я, блѣднѣя, читаль:

Ночь морозная мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей...
За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
Свѣтитъ пасмурный призракъ луны...

— Миленькій, — говорила она, — вѣдь я-же этого ничего никогда не видала!

Я читаль уже съ тайнымъ укоромъ:

Солнца лучъ промежъ тучъ былъ и жгучъ и высокъ,
Предъ скамьей ты чертила блестящій песокъ...

Она слушала одобрительно, но, вѣрно, только потому, что представляла себѣ, что это она сама сидитъ въ саду, чертя по песку хорошенькимъ зонтикомъ:

— Это, правда, релестно, — говорила она. — Но довольно стиховъ, поди ко мнѣ... Все-то ты недоволенъ мной!

Я нерѣдко рассказываль ей о своемъ дѣтствѣ, ранней юности, о поэтической прелести нашей усадьбы, о матери, отцѣ, сестрѣ: она слушала съ безпощаднымъ безучастіемъ. Я хотѣлъ милой грусти, удивленія, рассказывая о той бѣдности, которая наступала порой въ жизни нашей семьи, — о томъ, напримѣръ, какъ однажды мы сняли всѣ старинныя ризы со всѣхъ нашихъ образовъ и повезли

ихъ закладывать въ городъ Мещериновой, одинокой старухѣ страшнаго восточнаго вида, — горбоносою, усатою, съ выкаченными бѣлками, въ шелкахъ, шаляхъ и перстняхъ, — въ пустомъ дому которой, загроможденномъ всякимъ музейнымъ убранствомъ, весь день дикимъ и мертвымъ голосомъ кричалъ попугай: и что-же видѣлъ вмѣсто грусти, умиленія?

— Да, это ужасно, — невнимательно говорила она.

Чѣмъ дальше жилъ я въ городѣ, тѣмъ больше чувствовалъ себя въ немъ какъ то совершенно ни къ чему, — даже Авилова почему-то измѣнилась ко мнѣ, стала суха, насмѣшлива; чѣмъ темнѣй и скучнѣй становилась моя городская жизнь, тѣмъ чаще тянуло меня быть наединѣ съ ней, — что-нибудь читать, рассказывать, высказываться. Въ моей комнатѣ въ гостиницѣ было узко, сѣро, страшно грустно за себя — за чемоданишко и нѣсколько книжекъ, составлявшихъ все мое богатство, за одинокія ночи, которыя такъ бѣдно и холодно не то что спать, а скрѣе одолѣвать я въ ней, все сквозь сонъ поджидая разсвѣта, перваго морознаго, глубоко-зимняго удара въ колоколь на сосѣдней колокольнѣ. Въ ея комнатѣ тоже было тѣсно, она была въ концѣ коридора, возлѣ лѣстницы въ антресоляхъ, зато окнами выходила въ садъ, была тиха, тепла, хорошо убрана; въ сумерки въ ней топилась печка, она же умѣла лежать въ подушкахъ дивана какъ-то удивительно пріятно, вся сжавшись и подобравъ подъ себя свои на рѣдкость хорошенькія туфельки. Я тихонько говорилъ:

Шумѣла полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ,
Мы сѣли съ ней другъ противъ друга,
Валежникъ свисталъ на огнѣ...

Но всѣ эти вьюги, лѣса, поля, поэтически-дикарскія радости уюта, жилья, огня были особенно чужды ей.

Мнѣ долго казалось, что достаточно сказать: «знаешь эти осеннія накатанныя дороги, тугія, похожія на лиловую резину, изсѣченныя шипами подковъ и блестяшія подъ низкимъ солнцемъ слѣпящей золотой полосой?» чтобы вызвать ея восторгъ. Я рассказывалъ ей, какъ мы однажды съ братомъ Георгіемъ ѣздили поздней осенью покупать на срубъ березу: въ поварской у насъ вдругъ рухнулъ потолокъ, чуть не убилъ дрезняго старика, нашего бывшаго повара, вѣчно лежавшаго въ ней на печи, и вотъ мы поѣхали въ рошу, покупать эту березу на матицу. Шли непрестанные дожди и все мелкими, быстро сыплющимися сквозь солнце каплями, мы рысью катили въ телѣгѣ съ мужиками сперва по большой дорогѣ, потомъ по рошѣ, которая стояла въ этомъ дробномъ, дождевомъ и солнечномъ сверканіи на своихъ зеленыхъ, но уже мертвыхъ и залитыхъ водой полянахъ съ удивительной вольностью, картинностью и покорностью... Я говорилъ, какъ несказанно жаль было мнѣ эту громадную, раскидистую березу, сверху до низу осыпанную мелкой ржавой листвою, когда мужики косолопо и грубо обошли, оглядѣли ее кругомъ и потомъ, поплевавъ въ рубчатыя, звѣриныя ладони, взялись за топоры и дружно ударили въ ея весь пестрый отъ бѣлизы и черни стволъ... «Ты не можешь себѣ представить, какъ страшно мокро было все, какъ все блестяло и переживалось!» — говорилъ я и кончилъ признаніемъ, что хочу написать объ этомъ рассказъ. Она пожала плечами:

— Ну, миленькій, о чемъ-же тутъ писать! Что-жъ все погоду описывать!

Однимъ изъ самыхъ сложныхъ и мучительныхъ наслажденій была для меня музыка. Когда она играла что-нибудь прескрасное, какъ любилъ я ее! Часто думалъ, слушая: «Если мы когда-нибудь разстанемся, какъ я буду слушать это безъ нея! Какъ я буду вообще любить что-нибудь, чему-нибудь радоваться, не дѣлясь съ ней этой любовью, радостью!» Но на счетъ того, что мнѣ не нрави-

лось, я былъ такъ рѣзокъ и смѣлъ въ сужденіяхъ, что она порой выходила изъ себя.

— Надя! — кричала она, бросая клавиши и круто повертываясь къ сосѣдней комнатѣ. — Надя, послушай, что онъ здѣсь несетъ!

— И буду нести! — восклицалъ я еще смѣлѣй. — Три четверти каждой изъ этихъ сонатъ — пошлость, гамъ, кавардакъ! Ахъ, здѣсь слышенъ стукъ гробовой лопаты! Ахъ, тутъ мотыльки на лугу кружатся, а тутъ гремятъ водопады!

Она увѣрила себя въ своей страстной любви къ театру, а я ненавидѣлъ его, все больше убѣждался, что талантливость большинства актеровъ и актрисъ есть только ихъ наилучшее по сравненію съ другими умѣніе быть пошлыми, наилучше притворяться по самымъ пошлымъ образцамъ творцами, художниками. Всѣ эти вѣчныя свахи въ шелковыхъ повойникахъ луковаго цвѣта и турецкихъ шальяхъ, съ подобострастными ужимками и сладкимъ голоркомъ изгибающіяся передъ Титъ Титычами, съ неизмѣнной гордой истовостью откидывающимися назадъ и непремѣнно прикладывающими растопыренную лѣвую руку къ сердцу, къ боковому карману длиннополаго сюртука, эти свиноподобные городничіе и вертлявые Хлестаковы, мрачно и чревво хрипящіе Осипы, поганенькіе Рептиловы, фатовски негодующіе Чацкіе, Фамусовы, играющіе перстами и выпячивающіе, точно сливы, жирныя актерскія губы, Гамлеты въ плащахъ факельщниковъ, въ шляпахъ съ кудрявыми перьями, съ развратно-томными, подведенными глазами, съ черно-бархатными ляжками и плебейскими плоскими ступнями, — все это приводило меня просто въ содраганіе. А опера! Риголетто, изогнутый въ три погибели, съ ножками, разъ навсегда раскинутыми врозь вопреки всѣмъ законамъ естества и связанными въ колѣнкахъ! Сусанинъ, гробно и блаженно закатывающій глаза къ небу и выводящій съ перекатами: «Ты взойдешь, моя заря!» Мельникъ изъ «Русалки» съ худыми, какъ сучья, дико рас-

кинутыми и грозно трясущимися руками, съ которыхъ однако не снято обручальное кольцо, и въ такихъ лохмотьяхъ, въ столь истерзанныхъ зубчатыхъ порткахъ, точно его рвала цѣлая стая бѣшеныхъ собакъ! Въ спорахъ о театрѣ мы никогда ни до чего не договаривались: теряли всякую уступчивость, всякое пониманіе другъ друга. Вотъ знаменитый провинціальный актеръ, гастролируя въ Орлѣ, выступаетъ въ «Запискахъ сумасшедшаго», и всѣ жадно слѣдятъ, восхищаются, какъ онъ, сидя на больничной койкѣ, въ халатѣ и съ неумѣренно-небритымъ бабьимъ лицомъ, долго, мучительно-долго молчитъ, замирая въ какомъ-то идиотски-радостномъ и все растущемъ удивленіи, потомъ тихо, тихо подымаетъ палецъ и наконецъ, съ невѣроятной медленностью, съ нестерпимой выразительностью, звѣрски выворачивая челюсть, начинаетъ слогъ за слогомъ: «Се-го-дня-шняго дня...» Вотъ, на другой день, онъ еще великолѣпнѣе притворяется Любимомъ Торцовымъ, а на третій — сизоносимъ, засаленнымъ Мармеладовымъ: «А осмѣлюсь-ли, милостивый государь мой, обратиться къ вамъ съ разговоромъ приличнымъ?» — Каждый разъ послѣ такого вечера мы съ ней кричимъ другъ на друга, не давая спать Авиловой до трехъ часовъ ночи, и я клянусь уже не только сумасшедшаго, Торнова и Мармеладова, но и Гоголя, Островскаго, Достоевскаго...

— Но въ концѣ концовъ, — кричитъ она, уже блѣдная, съ потемнѣвшими глазами и потому особенно прелестная. — почему, собственно, приходите вы въ такую ярость? Надя, спроси его!

И такой же крикъ подымался между нами послѣ каждой нашей встрѣчи съ людьми изъ всякаго орловскаго общества. Я страстно желалъ дѣлиться съ ней наслажденіемъ своей наблюдательности, изошреніемъ вмѣстѣ съ ней этой наблюдательности, хотѣлъ заразить ее своимъ безпощаднымъ отношеніемъ къ окружающему — и съ отчаяніемъ видѣлъ, что выходитъ нѣчто совершенно противополож-

ное моему желанію сдѣлать ее наперстницей, соучастницей своихъ чувствъ и мыслей. Я однажды сказалъ:

— Если бъ ты знала, сколько у меня враговъ!

— Какихъ? Гдѣ? — спросила она удивленно.

— Всякихъ, всюду: въ гостиницѣ, въ магазинахъ, на улицѣ, на вокзалѣ...

— Кто-же эти враги? — спросила она, все еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да всѣ, всѣ! Какое количество мерзкихъ лицъ и тѣлъ! Иному кажется, кинжалъ бы въ бокъ вонзился! Вѣдь это даже апостоль Павелъ сказалъ: «Не всякая плоть такая-же плоть, но иная плоть у человѣковъ, иная у скотовъ...» Нѣкоторые просто страшны! На ходу такъ кладутъ ступни, такъ держать тѣло въ наклонъ, точно они только вчера поднялись съ четверенекъ!

Она, наконецъ, поняла.

— Какъ тебѣ не совѣстно! — сказала она съ брезгливымъ сожалѣніемъ. — Неужели ты, правда, такой злой, гадкій? Не понимаю я тебя вообще! Ты весь изъ какихъ-то удивительныхъ противоположностей!

Х.

И все-таки, приходя по утрамъ въ редакцію, я все радостнѣй, родственнѣй встрѣчалъ на вѣшалкѣ ея сѣрую шубку, въ которой была какъ-бы сама она, какая-то очень женственная часть ея, а подъ вѣшалкой — милые сѣрые ботики, часть наиболѣе трогательная. Отъ нетерпѣнія поскорѣе увидеть ее я приходилъ раньше всѣхъ, садился за свою нелѣпую работу, — просматривалъ и правилъ провинціальныя корреспонденціи, прочитывалъ столичныя газеты, составлялъ по нимъ «собственныя телеграммы», чуть не заново переписывалъ нѣкоторые рассказы провинціальныхъ беллетристовъ, а самъ слушалъ, ждалъ — и зотъ наконецъ: быстрые шаги, шелестъ юбки! Она под-

бѣгала, вся точно совсѣмъ новая, съ прохладными и пахучими руками, съ молодымъ и особенно полнымъ послѣ крѣпкаго сна блескомъ глазъ, поспѣшно оглядывалась и кидалась цѣловать меня. Такъ же забѣгала она порой ко мнѣ въ гостиницу, вся морозно пахнущая мѣхомъ шубки, зимнимъ воздухомъ. Я цѣловалъ ея яблочко-холодное лицо, обнимая подъ шубкой все то теплое, нѣжное, что было ея тѣломъ и платьемъ, она смѣясь, увертывалась, — «пусти, я по дѣлу пришла!» — звонила коридорному, при себѣ приказывала убрать комнату, сама помогала ему...

Я однажды нечаянно услышалъ ея разговоръ съ Авилосой, — онѣ какъ-то вечеромъ сидѣли въ столовой и откровенно говорили обо мнѣ, думая, что я въ типографіи. Авилова спрашивала:

— Лика, милая, но что-же дальше? Ты знаешь мое отношеніе къ нему, онѣ, конечно, очень милъ, я понимаю, ты увлеклась... Но дальше-то что?

Я точно въ пропасть полетѣлъ. Какъ, я «очень милъ», не болѣе! Она всего на всего только «увлеклась!»

Отвѣтъ былъ еще ужаснѣе:

— Но что-же я могу? Я не вижу никакого выхода...

При этихъ словахъ во мнѣ вспыхнуло такое бѣшенство, что я уже готовъ былъ кинуться въ столовую, крикнуть, что выходъ есть, что черезъ часть ноги моей больше не будетъ въ Орлѣ, — какъ вдругъ она опять заговорила:

— Какъ же ты не видишь, что я дѣйствительно люблю его! А потомъ, ты его все-таки не знаешь, — онѣ въ тысячу разъ лучше, чѣмъ кажется!

Въ самомъ дѣлѣ, я въ ту зиму могъ казаться гораздо хуже, чѣмъ былъ. Я жилъ напряженно, тревожно, часто держался съ людьми жестко, заносчиво, легко впалъ въ тоску, въ отчаяніе; однако легко и мѣнялся, какъ только видѣлъ, что ничто не угрожаетъ нашему съ ней ладу, никто на нее не посягаетъ: тутъ ко мнѣ тотчасъ возвращалась вся прирожденная мнѣ беззаботность, веселость, готовность быть добрымъ, простосердечнымъ, радост-

нымъ. Если я зналъ, что какой-нибудь вечеръ, на который мы собирались съ ней, не принесетъ мнѣ ни обиды, ни боли, какъ празднично я собирался, какую бодрость чувствовалъ въ каждомъ своемъ движеніи, какъ нравился самъ себѣ, глядясь въ зеркало, любясь своими глазами, темными пятнами молодого румянца, бѣлоснѣжной рубашкой, подкрахмаленныя складки которой расклеивались, разрывались при надѣваніи съ восхитительнымъ трескомъ! Какимъ счастьемъ были для меня балы, если на нихъ не страдала моя ревность! Каждый разъ передъ баломъ я переживалъ жестокія минуты, — нужно было надѣвать фракъ покойнаго мужа Авиловой, совершенно, правда, новый, кажется, даже ни разу не надѣванный, и однако всего меня какъ-бы пронзавшій. Но минуты эти забывались — стоило только выйти изъ дома,дохнуть морозомъ, увидеть пестрое звѣздное небо, быстро сѣсть въ извозчичьи санки... Богъ знаетъ, зачѣмъ украшали ярко блиставшіе входы балныхъ собраній какими-то красно-полосатыми шатрами, зачѣмъ разыгрывалась передъ ними такая щеголеватая свирѣпость квартальныхъ, командовавшихъ съѣздомъ! Но все равно — это былъ ужъ балъ, этотъ странный входъ, ярко и бѣло заливавшій перемѣшанный сахарный снѣгъ передъ нимъ, и вся эта игра въ быстроту и въ ладъ, четкій полицейскій крикъ, мерзлые усы въ струну, блестящіе сапоги, топчущіе въ снѣгу, новые шинели, какъ-то особенно вывернутыя и спрятанныя въ карманы руки въ бѣлыхъ перчаткахъ... Чуть не всѣ подъѣзжавшіе мужчины были въ формахъ, — много формъ было когда-то въ Россіи, — и всѣ всегда были какъ-то вызывающе возбуждены своими чинами, формами, — я еще тогда замѣтилъ, что люди, даже всю жизнь владѣющіе всякими высшими положеніями, никогда за всю жизнь не могутъ къ намъ привыкнуть. Эти подъѣзжавшіе всегда и меня возбуждали, тотчасъ становились предметомъ моей мгновенно обостряющейся непріязненной воркости. Зато женщины были почти всѣ милы, же-

ланны. Онѣ очаровательно освобождали себя въ вестибюль отъ мѣховъ и капоровъ, быстро становясь какъ разъ тѣми, которымъ и надлежало итти по краснымъ коврамъ широкихъ лѣстницъ столь волшебными, умножающимися въ зеркалахъ толпами. А потомъ — эта великолѣпная пустота залы, предшествующая балу, ея свѣжій холодъ, тяжкая гроздь люстры, насквозь играющей алмазнымъ сіяніемъ, огромныя нагія окна, лоскъ и еще вольная просторность паркета, запахъ живыхъ цвѣтовъ, пудры, духовъ, бальной бѣлой лайки — и все это волненіе при видѣ все прибывающаго бальнаго люда, ожиданіе звучности перваго грома съ хоръ, первой пары, вылетающей вдругъ въ эту ширь еще дѣвственной залы, — пары всегда самой легкой, увѣренной, ловкой...

Я уѣзжалъ всегда раньше ихъ. Когда пріѣзжалъ, еще длился съѣздъ, внизу еще заваливали служителей пахучими шубами, шубками, шинелями, воздухъ вездѣ былъ почти рѣзокъ для тонкаго фрака. Тутъ я, въ этомъ чужомъ фракѣ, съ гладкой прической, стройный, какъ будто еще больше похудѣвшій, ставшій ледянымъ, всѣмъ чужой, одинокій, — какой-то странно-гордый молодой человѣкъ, состоящій въ какой-то странной роли при редакціи, — чувствовалъ себя сперва такъ трезво, ясно и такъ отдѣльно ото всѣхъ, точно былъ чѣмъ-то вродѣ ледяного зеркала. Потомъ дѣлалось все люднѣй и шумнѣй, музыка гремѣла привычнѣй, въ дверяхъ залы уже тѣснились, женщинъ все прибывало, воздухъ становился все гуще, теплѣй, и я какъ-бы хмелѣлъ, на женщинъ смотрѣлъ все смѣлѣе, а на мужчинъ все болѣе вызывающе, скользилъ въ толпѣ все ритмичнѣй, извинялся, задѣвая какой-нибудь фракъ или мундиръ, все вѣжливѣй и надменнѣй... Потомъ вдругъ видѣлъ ихъ, — вотъ онѣ, осторожно, съ полуулыбками, пробираются въ толпѣ — и сердце слегка обрывалось — родственно и какъ-то неловко и удивленно: онѣ и не онѣ, тѣ и не тѣ... Особенно она — совсѣмъ не та! Меня каждый разъ поражала въ эту минуту ея юность, тонкость: схваченный

корсетомъ станъ, легкое и такое непорочно-праздничное платье, обнаженныя отъ перчатокъ до плечей и озябшія, ставшія отрочески сиреневыми руки, еще неувѣренное выраженіе лица... только прическа высокая, какъ у свѣтской красавицы, и въ этомъ что-то особенно влекущее, но какъ-бы уже готовое къ свободѣ отъ меня, къ измѣнѣ мнѣ и даже какъ-будто къ какой-то сокровенной порочности... Вскорѣ къ ней кто-нибудь подбѣгалъ, съ привычной бальной посяишностью низко кланялся, она передавала вѣеръ Авиловой и какъ-будто разсѣяннo, но съ граціей клала руку ему на плечо и, кружась, скользя на носкахъ, исчезала, терялась въ кружащейся толпѣ, шумѣ, музыкѣ. И я какъ-то прощально и уже съ холодомъ враждебности смотрѣлъ ей вслѣдъ...

Маленькая, живая и всегда вся крѣпко и какъ будто весело собранная Авилова тоже удивляла меня на балу своей молодостью, сіяющей миловидностью. Это на балу вдругъ исчезло однажды то глупое затменіе, съ которымъ я не только первое время знакомства, но и довольно долго потомъ смотрѣлъ на нее какъ на очень неравную себѣ, какъ на женщину, которая уже была матерью, хозяйкой дома, издательницей газеты, главное, вдовой, хотя этой вдовѣ было въ то время всего двадцать шесть лѣтъ. Однажды на балу я вдругъ живо почувствовалъ эти двадцать шесть лѣтъ и впервые, не рѣшаясь вѣрить себѣ, догадался о причинѣ странной перемѣны, происшедшей въ ея обращеніи со мной въ ту зиму, — этой сухости, постоянной легкой ироніи, съ которой она стала со мной шутить, разговаривать...

XI.

Потомъ мы надолго разстались.

Началось съ того, что неожиданно пріѣхалъ докторъ.

Войдя однажды въ солнечное морозное утро въ прихожую редакціи, я вдругъ почувствовалъ крѣпкій запахъ

каких-то очень знакомых папирозъ и услыхаль оживленные голоса и смѣхъ въ столовой, — нѣчто совсѣмъ необычное для нея въ столь ранній часъ. Я приостановился — что такое? Это накурилъ на весь домъ докторъ, это говорилъ онъ, — какъ всегда много, громко, съ оживленіемъ того сорта людей, — ихъ было особенно много въ провинціи, — которые, достигнувъ извѣстнаго возраста, какъ-то такъ и оставались въ немъ безъ всякихъ перемѣнъ на многіе годы, съ неизмѣннымъ отличнымъ самочувствіемъ, непрестаннымъ куреніемъ и немолчной говорливостью. Я оторопѣлъ тѣмъ болѣе, что какъ нарочно былъ совершенно далекъ даже отъ мысли о какомъ-нибудь несчастіи, — бѣжалъ въ редакцію въ это морозное, но уже предвесеннее, весело и рѣзко блестящее утро съ самой беззаботной бодростью. Что значить этотъ внезапный пріѣздъ? Какое-нибудь рѣшительное, твердое требованіе къ ней? И какъ войти, какъ держать себя? — Ничего страшнаго не произошло однако въ первыя минуты. Я быстро справился съ собой, быстро вошелъ, пріятно изумился... Докторъ, по своей добротѣ, даже нѣсколько смутился, поспѣшилъ, смѣясь и какъ бы извиняясь, сказать, что пріѣхаль «отдохнуть на педѣлку отъ провинціи». Я быстро замѣтилъ, что она была какъ-то не въ мѣру возбуждена. Почему-то возбуждена была и Авилова. Все же можно было надѣяться, что всему причиной докторъ, неожиданный гость, человекъ только что явившійся изъ уѣзда въ губернію и потому съ особеннымъ оживленіемъ и удовольствіемъ пьюшій послѣ ночи въ вагонѣ горячій чай въ новой столовой. Я уже началъ успокаиваться. Но тутъ-то и ждалъ меня ударъ: изъ всего того, что говорилъ докторъ, я вдругъ понялъ, что онъ пріѣхаль не одинъ, а съ Богомолковымъ, молодымъ, богатымъ и даже знаменитымъ въ нашемъ городѣ кожевникомъ, давно уже имѣвшимъ виды на нее; а затѣмъ услыхаль веселый смѣхъ:

— Говорить, что влюбленъ въ тебя, Лика, безъ ума, пріѣхаль съ самыми рѣшительными намѣреніями! Такъ

что теперь судьба сего несчастнаго въ твоёмъ полномъ распоряженіи: захочешь — помилуешь, не захочешь — на вѣки погубишь...

Я помертвѣлъ. Богомолловъ былъ не только богатъ: онъ былъ изъ тѣхъ немногихъ, съ кѣмъ жизнь въ богатствѣ не пропала бы даромъ: онъ былъ уменъ, характеромъ живъ и пріятенъ, кончилъ университетъ, жила въ заграничѣ, говорилъ на двухъ иностранныхъ языкахъ; съ виду онъ могъ въ первую минуту почти испугать: онъ былъ чудовищно, нечеловѣчески толстъ, — не то какой-то до противоестественной величины разросшійся и сказочно упитавшійся младенецъ, не то громадный, весь насквозь свѣтящійся жиромъ и кровью молодой іокширъ; однако все въ этомъ іокширѣ было такое великолѣпное, чистое, здоровое, что даже радость охватывала: въ голубыхъ глазахъ — небесная лазурь, цвѣтъ лица несказанный по своей дѣвственности, во всемъ-же обращеніи, въ смѣхѣ, въ звукѣ голоса, въ игрѣ глазъ и губъ что-то застѣнчивое и безконечно милое; ножки и ручки у него были трогательно маленькія, одежда красивая — костюмы изъ англійской матеріи, носки, рубашки, галстуки шелковые... Я быстро взглянулъ на нее, увидаль ея неловкую улыбку... И все вдругъ стало мнѣ дикимъ, чужимъ, далекимъ, самъ себѣ я вдругъ показался всему этому дому постыдно лишнимъ, ненужнымъ, къ ней меня охватила ненависть, отвращеніе ..

Послѣ того мы никогда и часу въ день не могли провести наединѣ, она не разставалась то съ отцомъ, то съ Богомолловымъ. Авилову не покидала загадочно-веселая усмѣшка, она проявила къ Богомоллову такую любезность, привѣтливость, что онъ съ перваго-же дня сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ, появлялся въ немъ съ утра и сидѣлъ до поздняго вечера, въ гостиницѣ у себя только ночевалъ. Началась кромѣ того репетиція любительскаго драматическаго кружка, котораго она была членомъ, — кружокъ готовился къ спектаклю на масляницѣ и черезъ нее привлечь на маленькія роли не только Богомоллова, но

даже и доктора. Она все говорила, что переносить ухаживанія Богомолова, — очень скромныя къ тому-же, — только ради отца, и я всячески крѣпился, дѣлалъ видъ, что вѣрю, даже бывалъ на этихъ репетиціяхъ... Какое это было мученіе! Какой стыдъ за нее и какое зрѣлище чело-вѣческаго убожества! Потомъ насталъ и самый спектакль. Я сунулся было за кулисы — тамъ сходили съ ума, одѣваясь, гриммируясь, крича, ссорясь, выбѣгая изъ уборныхъ, наталкиваясь другъ на друга и не узнавая другъ друга, — ужъ слишкомъ не въ мѣру были всѣ разряжены, слишкомъ мертвы были парики и бороды, слишкомъ неподвижны размалеванныя лица съ пластырно-розовыми наклейками на лбахъ и носахъ, съ подведенными, блестящими глазами, съ начерченными, крупными и тяжело, какъ у манекеновъ, моргающими рѣсницами. Я, столкнувшись съ ней, тоже не узналъ ее, пораженъ былъ ея кукольно-стью — какимъ-то розовымъ, граціозно-старомоднымъ платьецемъ, густымъ бѣлокурымъ парикомъ, лубочной красотью и дѣтскостью конфетнаго лица... Богомолъ игралъ желтоволосаго дворника, — его нарядили съ особенной изобразительностью, подобающей созданію бытового типа, — а докторъ стараго дядюшку, отставного генерала: онъ и началъ спектакль, сидя на дачѣ, въ плетеномъ креслѣ, подъ досчатымъ зеленымъ деревомъ, стоящимъ на голомъ полу, въ новенькомъ чесучевомъ костюмѣ, тоже весь розово размалеванный и залѣпленный, съ огромными молочными усами и подусниками, откинувшись въ креслѣ и надутъ глядя въ широко раскрытую газету, весь, несмотря на прекрасное лѣтнее утро, ярко освѣщенный снизу лампочками рамы и при всѣхъ своихъ сѣдинахъ изумительно моложавый; онъ долженъ былъ сказать, почитавши минуту, что-то густо-ворчливое, но все только глядѣлъ, ничего не могъ сказать, несмотря на отчаянный шипъ изъ суфлерской будки: только тогда, когда она выскочила наконецъ изъ-за кулисъ (съ дѣтски-игривымъ, очаровательно-рѣзвымъ смѣхомъ) и кинулась на

него сзади, захвативъ ему глаза руками, крича: «угадай, кто?» — только тогда закричалъ и онъ, отчекнивая каждое слово: «Пусти, пусти, коза, отлично знаю, кто!»

Въ залѣ было полутемно, на сценѣ солнечно, ярко. Я, сидя въ первомъ ряду, взглядывалъ то на сцену, то вокругъ себя; рядъ состоялъ изъ самыхъ богатыхъ, удушаемыхъ своей полнотою штатскихъ и самыхъ видныхъ чинами и фигурами полицейскихъ и военныхъ, и весь былъ точно скованъ тѣмъ, что творилось на сценѣ, — напряженные позы, неопредѣленные, недоконченные улыбки... Я не могъ досидѣть даже до конца перваго дѣйствія. Какъ только что-то стукнуло на сценѣ, — знакъ, что скоро занавѣсь, — я вдругъ всталъ и быстро пошелъ вонъ. Тамъ, на сценѣ, разыгрались уже во всю, — въ свѣтлый и естественный коридоръ, гдѣ ко всему привычный старикъ помогаль мнѣ одѣваться, какъ-то особенно неестественно доносились неумѣренно бойкіе хлопки и восклицанія артистовъ... Я наконецъ выскочилъ на улицу. Чувство какого-то гибельнаго одиночества достигло во мнѣ до восторга. Было безлюдно, чисто, огни фонарей блестяли неподвижно. Я быстро шелъ, но все-таки не домой, — тамъ, въ моей узкой комнатѣ, въ гостиницѣ, было ужъ слишкомъ страшно, — а въ редакцію. Я прошелъ вдоль присутственныхъ мѣстъ, свернулъ на пустую площадь, посреди которой поднимался соборъ, теряясь чуть блестящимъ золотымъ куполомъ въ звѣздномъ небѣ.. Даже въ скрипѣ моихъ шаговъ по снѣгу было что-то высокое, страшное, вѣчное... Въ тепломъ домѣ была тишина, мирный и медленный стукъ часовъ въ освѣщенной столовой. Ребенокъ спалъ, нянька, отворившая мнѣ, сонно взглянула на меня и ушла. Я прошелъ въ эту уже столь знакомую мнѣ и столь для меня особенную комнату подъ лѣстницей, сѣлъ въ темнотѣ на знакомый, теперь какой-то роковой диванъ... Я и ждалъ и ужасался той минуты, когда вдругъ прійдутъ, шумно войдутъ, на перебой стануть говорить, смѣяться, садиться за самоваръ, дѣлиться впе-

чатлѣніями, — всего-же больше того мгновенія, когда раздается ея смѣхъ, ея голосъ... Комната была жутко полна ею, ея отсутствіемъ и присутствіемъ, всѣми ея запахами ея самой, ея платьевъ, духовъ, мягкаго халатика, лежавшаго возлѣ меня на валикѣ дивана... Въ окно грозно синѣла зимняя ночь, за черными сучьями деревьевъ въ саду сверкала алмазность звѣздъ...

На первой недѣлѣ поста она уѣхала съ отцомъ и Богомоловымъ (отказавъ ему). Я почти пересталъ даже разговаривать съ ней. Она собиралась въ отъѣздъ, все время плача, каждую минуту надѣясь, что я вдругъ оставлю ее...

ХІІ.

Шли провинціальныя великопостныя будни. Извозчики безъ дѣла стояли на углахъ, зябли, скучали, иногда отчаянно махали крестъ на крестъ руками, несмѣло окликали проходящаго офицера: «Ваше благородіе!» Галки болтали порой уже нервно, оживленно, но вороны каркали еще жестко, круто, безнадежно...

Разлука казалась особенно ужасна и удивительна по ночамъ. Просынаясь среди ночи, я поражался: какъ теперь жить и зачѣмъ жить? Ужели это я, — тотъ, кто почему-то лежитъ въ темнотѣ этой бессмысленной ночи, въ какомъ-то губернскомъ городѣ, населенномъ тысячами людей, чуждыхъ мнѣ до неправдоподобія, въ этомъ номерѣ съ узкимъ окномъ, всю ночь сѣрѣющимъ какимъ-то длиннымъ нѣмымъ дьяволомъ! Во всемъ городѣ единственно близкій человѣкъ — Авилова. Но точно-ли близкій? Какая двойственность и въ чемъ-то очень неловкая близость!

Теперь я приходилъ въ редакцію поздно. Авилова, изъ пріемной увидавъ меня въ прихожей, радостно улыбалась, — она опять стала мила, ласкова, оставила усмѣшки надо мною, я неизмѣнно видѣлъ теперь ея ровную любовь ко

миѣ, постоянное вниманіе, заботливость, часто проводилъ цѣлые вечера съ ней вдвоемъ, — она подолгу играла для меня, а я полулежалъ на диванѣ, все закрывая глаза отъ подступающихъ слезъ музыкальнаго счастья и всегда особенно обостряющейя вмѣстѣ съ нимъ любовной боли и какой-то всепрощающей нѣжности, свойственной всѣмъ любовнымъ разлукамъ. Войдя въ пріемную, я цѣловалъ ея маленькую крѣпкую руку и шелъ въ комнату для постоянныхъ сотрудниковъ. Тамъ курилъ передовикъ, глупый, задумчивый человекъ, высланный въ Орелъ подъ надзоръ полиціи, довольно странный съ виду: простонародно-бородатый, въ бурой сермяжной поддевкѣ и длинныхъ смазныхъ сапогахъ, вонявшихъ очень крѣпко и пріятно, притомъ лѣвша: половины правой руки у него не было, остаткомъ ея, скрытомъ въ рукавѣ, онъ прижималъ къ столу листъ бумаги, а лѣвой писалъ: долго сидитъ, думаетъ, густо курить, а тамъ вдругъ прижметъ листъ покрѣпче и застрочитъ, застрочитъ, — сильно, быстро, съ обезьяньей ловкостью. Потомъ приходилъ коротконогій старичекъ въ изумленныхъ очкахъ, иностранный обозрѣватель; въ прихожей онъ снималъ казакинчикъ на заячьемъ мѣху и финскую шапку съ наушниками, послѣ чего, въ своихъ сапожкахъ, шароварчикахъ и фланелевой блузѣ, подпоясанный ремешкомъ, оказывался такимъ маленькимъ и щуплымъ, точно ему было десять лѣтъ; густые сѣро-сѣдые волосы его торчали очень грозно, высоко и въ разныя стороны, дѣлали его похожимъ на дикообраза; грозны были и его блестящіе очки; онъ приходилъ всегда съ двумя коробками въ рукахъ, коробкой гильзы и коробкой табаку, и за работой все время набивалъ папиросы: привычно глядя въ столичную газету, накладывалъ, наминалъ въ машинку, въ ея мѣдную створчатую трубочку, свѣтлаго, волокнистаго табаку, разсѣяннo нашаривалъ гильзу, ручку машинки втыкалъ себѣ въ грудь, въ мягкую блузу, а трубочку — въ папиросную дудку гильзы и ловко стрѣлялъ, порой чуть не черезъ всю комнату... Потомъ

заходили метранпажъ, корректоръ. Метранпажъ входилъ спокойно, независимо; онъ былъ удивителенъ по своей вѣжливости, молчаливости и непроницаемости; былъ тоже очень невеликъ, необыкновенно худъ и сухъ, по индуски черенъ волосомъ, лицомъ оливково-зеленъ, съ черными усиками и гробовыми пепельными губами, одѣтъ всегда съ крайней аккуратностью и чистоплотностью: черные брючки, синяя блуза, большой крахмальный воротникъ, лежавшій поверхъ ея ворота, — все блистало чистотой, новизной; я иногда разговаривалъ съ нимъ въ типографіи: тогда онъ нарушалъ свою молчаливость, ровно и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими сплошь темными глазами и говорилъ, какъ заведенный, не повышая голоса и всегда одно и то же: о несправедливости, царящей въ мірѣ — всюду, вездѣ, во всемъ. Корректоръ заходилъ то и дѣло — постоянно чего-нибудь не понималъ или не одобрялъ въ той статьѣ, которую правилъ, просилъ у автора статьи какого-нибудь разъясненія или измѣненія: «тутъ, простите, что-то не совсѣмъ ловко сказано»; былъ толстъ, неуклюжъ, съ мелко-кудрявыми и какъ-бы всегда мокрыми волосами, входя, гнулъ отъ нервности и страха, что все видятъ, какъ онъ тяжело пьянъ, наклонялся къ тому, у кого просилъ разъясненія, затаивая алкогольное дыханіе, издалика указывая на непонятную ему или неудачную по его мнѣнію строку трясущейся и блестящей свекольной рукой... Сидя въ этой комнатѣ, я тоже курилъ, разсѣянно правилъ разныя чужія рукописи, а больше всего просто смотрѣлъ въ окно и думалъ: какъ и что писать мнѣ самому?

Теперь у меня было еще одно тайное страданіе, еще одна горькая и сладкая «неосуществимость». Я опять сталъ кое-что писать, — теперь больше въ прозѣ, — и опять сталъ печатать написанное. Но я думалъ не о томъ, что я писалъ и печаталъ. Я мучился желаніемъ писать что-то совсѣмъ другое, совсѣмъ не то, что я могъ писать и писалъ, — что-то настоящее. Образовать въ себѣ изъ даваемого жизнью нѣчто истинно достойное писанія — какое

это рѣдкое счастье, какой душевный трудъ! И вотъ моя жизнь стала все больше и больше превращаться въ эту новую борьбу съ «неосуществимостью», въ поиски и уловленіе этого другого, тоже неуловимаго счастья, въ преслѣдованіе его, въ непрестанное думанье о немъ...

Къ полудню приходила почта. Я выходилъ въ пріемную, опять видѣлъ красиво и заботливо убранную, неизмѣнно склоненную къ работѣ голову Авиловой и все то милое, что было въ мягкомъ лоскѣ ея шагреновой туфельки, стоящей подѣ столомъ, въ мѣховой накидкѣ на ея плечахъ, на которой тоже лоснился отблескъ сѣраго зимняго дня, зимняго окна, за которымъ сѣрѣло воронье снѣжное небо. Я выбиралъ изъ почты новую книжку столичнаго журнала, торопливо разрѣзалъ ее... Новый рассказъ Чехова! Въ одномъ видѣ этого имени было что-то такое, что я только взглядывалъ на рассказъ, — даже начала не могъ прочесть отъ завистливой боли того наслажденія, которое предчувствовалось. Въ пріемной появлялось и смѣнялось между тѣмъ все больше народу: приходили всякіе заказчики объявленій, приходило множество самыхъ разнообразныхъ людей, которые тоже были одержимы (и тоже совершенно неизвѣстно, почему и зачѣмъ) похотью писательства, чаще всего удивительной по своему несоотвѣтствію съ лицомъ, мучимымъ ею: тутъ можно было видѣть благообразнаго старичка въ пуховомъ шарфѣ и пуховыхъ варежкахъ, принесшаго чуть не цѣлую дестъ дешовой бумаги большого формата, на которой стояло заглавіе: «Пѣсни и думы», выведенное со всѣмъ канцелярскимъ блескомъ времянь гусиныхъ перьевъ, молоденькаго, алаго отъ смущенія офицера, который передавалъ свою рукопись съ короткой и вѣжливо-четкой просьбой просмотрѣть ее и при печатаніи ни въ коемъ случаѣ не обнаруживать его настоящей фамиліи, — «поставить лишь инициалы, если это допустимо по правиламъ редакціи», за офицеромъ — потнаго отъ волненія и шубы пожилого священника, желавшаго напечатать подѣ псевдонимомъ

Spectator свои «Деревенскія картинки», а за священником — уѣзднаго судебного дѣателя... Дѣатель былъ человѣкъ необыкновенно аккуратный, онъ до странности неторопливо снималъ въ прихожей новыя калоши, новыя перчатки на мѣху, новое хорьковое пальто, новую боярскую шапку и оказывался на рѣдкость худъ, высокъ, зубастъ и чистъ, чуть не полчаса вытиралъ, войдя, свои рыжіе усы бѣлоснѣжнымъ носовымъ платкомъ, межъ тѣмъ, какъ я жадно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, упиваясь своей писательской проницательностью:

— Да, да, онъ непремѣнно долженъ быть такъ чистъ, аккуратенъ, неторопливъ, заботливъ о себѣ, разъ онъ рѣдкозубъ и съ густыми рыжими усами... разъ у него уже лысѣеть этотъ яблокомъ выщуклый лобъ, ярко блестятъ глаза, горять пятна на скулахъ, велики и плоски ступни, велики и плоски руки съ крупными, круглыми ногтями!

Къ завтраку нянька приводила съ гулянья мальчика. Авилова выбѣгала въ прихожую, быстро и ловко присаживалась, снимала съ него бѣлую барашковую шапочку, разстегивала синюю, на бѣломъ барашкѣ, поддевичку, цѣловала въ свѣжее, раскраснѣвшееся личико, онъ разсѣянно глядѣлъ куда-то въ сторону, думалъ что-то свое, далекое, что-то говорилъ, безучастно позволяя раздѣвать и цѣловать себя, а я ловилъ себя на зависти ко всему этому: къ блаженной безсмысленности мальчика, къ материнскому и домашнему счастью Авиловой, къ старческой тиши и няньки... Я уже завидовалъ всѣмъ, у кого жизнь наполнена готовыми дѣлами и заботами, а не ожиданіемъ, не выдумываньемъ чего-то для какого-то самаго страннаго изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, называемаго писаніемъ, завидовалъ всякому, кто имѣетъ въ жизни простое, точное, опредѣленное дѣло, исполнивъ которое нынче, онъ могъ быть совершенно спокоенъ и свободенъ до завтра!

Послѣ завтрака я уходилъ. На городъ густо валилъ дремотными хлопьями тотъ великодушный снѣгъ, что всегда обманываетъ своей нѣжной, особенно бѣлой бѣлиз-

ной, будто ужь совсѣмъ близка весна. По снѣгу мимо меня безшумно летѣлъ беззаботный, только что, должно быть, гдѣ нибудь, на скорую руку выпившій, бодрый, какъ - бы весь готовый къ чему - то хорошему, ладному извозчикъ... Что, казалось бы, обыкновеннѣй? Но теперь чуть не все меня какъ - то ранило — чуть не всякое мимолетное впечатлѣніе — и, ранивъ, мгновенно рождало порывъ не дать ему, этому впечатлѣнію, пропасть даромъ, исчезнуть безслѣдно, молнію корыстнаго стремленія тотчасъ захватить его въ свою собственность и что-то извлечь изъ него. Вотъ онъ мелькнулъ, этотъ извозчикъ, и все, чѣмъ и какъ онъ мелькнулъ, рѣзко мелькнуло и въ душѣ и, оставшись въ ней какимъ-то страннымъ подобіемъ мелькнувшаго, какъ еще долго и тщетно томить ее! Дальше — богатый подъѣздъ, возлѣ тротуара передъ нимъ чернѣетъ сквозь бѣлые хлопья лаковый кузовъ кареты, видны какъ бы сальные шины большихъ заднихъ колесъ, погруженныхъ въ старый снѣгъ, мягко засыпаемый новымъ, — я иду и, взглянувъ на спину возвышающагося на козлахъ толстоплечаго, по дѣтски подпоясаннаго подъ мышку кучера въ толстой, какъ подушка, бархатной конфедераткѣ, вдругъ вижу: за стеклянной дверцей кареты, въ ея атласной бонбоньеркѣ, сидитъ, дрожитъ и такъ пристально смотритъ, точно вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь, какая-то премилая собачка, уши у которой совсѣмъ какъ завязанный бантъ. И опять, точно молнія, радость и боль: ахъ, не забыть — настоящій бантъ! Только что дѣлать съ нимъ? Что извлечь изъ него? Господи, что?

Я заходилъ въ библіотеку. Это была столѣтняя, рѣдкая по богатству библіотека. Но какъ уныла была она, до чего никому не нужна! Старый, полузаброшенный домъ, огромные, голые сѣнцы, холодная, одинокая лѣстница во второй этажъ, казенная, обитая по войлоку клеенкой, дверь. Три огромныхъ, сверху до низу установленныхъ книгами, мертвенно-молчаливыхъ комнаты. Длинный при-

лавокъ, конторка, маленькая, плоскогрудая, непривѣтливо-тихая, не поднимающая глазъ завѣдующая въ чемъ-то черненькомъ, постномъ, съ худыми, блѣдными руками, съ чернильнымъ пятномъ на третьемъ пальцѣ, и запущенный отрокъ въ сѣрой блузѣ, съ мягкой, давно не стриженной мышинной головой, исполняющій ея приказанія... Я проходилъ въ «кабинетъ для чтенія», круглую, пахнущую угаромъ комнату съ круглымъ столомъ по срединѣ, на которомъ лежали «Епархіальныя Вѣдомости», «Русскій Паломникъ». За столомъ сидѣлъ, гнулся, какъ-то затаенно перелистывалъ страницы толстой книги одинъ неизмѣнный читатель — тощій юноша, гимназистъ въ старенькой, легкой шинелькѣ, все время осторожно подтиравшій носъ комочкомъ платка... Кому еще было тутъ сидѣть, кромѣ насъ двоихъ, одинаково удивительныхъ по своему одиночеству во всемъ городѣ и по тому, что оба читали? Гимназистъ читалъ нѣчто для гимназиста совершенно дикое — о сошномъ письмѣ. Да и на меня не разъ глядѣла завѣдующая съ большимъ недоумѣніемъ: я спрашивалъ въ огромные томы череpletннѣю «Сѣверную Пчелу», «Московскій Вѣстникъ», «Полярную Звѣзду», «Сѣверные Цвѣты», «Современникъ» Пушкина... Бралъ, впрочемъ, и новое — всякія «Біографіи замѣчательныхъ людей»: все затѣмъ, чтобы въ нихъ искать какой-то поддержки себѣ, съ завистью сравнивать себя съ замѣчательными людьми.. Въ этой старой комнатѣ я, помню, впервые прочелъ Радищева — и съ большимъ восхищеніемъ. «Я взглянулъ окрестъ — душа моя страданіями челоѣчества уязвлена стала!» Этотъ языкъ, этотъ строй души я понималъ...

Выйдя подъ вечеръ изъ библіотеки, я тихо шелъ по темнѣющимъ улицамъ. Тамъ и сямъ падалъ медленный звонъ. Томимый грустью и о себѣ, и о ней, и о далекомъ, несчастномъ родномъ домѣ, я заходилъ въ церковь. И тутъ было что-то никому не нужное. Пусто, сумракъ, огоньки рѣдкихъ свѣчей, нѣсколько старухъ, стариковъ. За свѣчной кассой стоитъ церковный староста, неподвижный, истовый, съ му-

жицкимъ прямымъ рядомъ въ сѣрыхъ волосахъ, поводитъ глазами съ торговой строгостью. Сторожъ еле таскаетъ разбитыя ноги, въ одномъ мѣстѣ поправляя наклонившуюся и слишкомъ жарко тающую свѣчу, въ другомъ дуетъ на догорающую и распространяя запахъ гари и воска, потомъ тиская ее въ старческомъ кулакѣ въ одинъ восковой комокъ съ прочими огарками, — и видно, какъ глубоко надоѣло ему все это наше непонятное земное существованіе и всѣ таинства его: крещенія, причастія, вѣнчанія, похороны, и всѣ праздники, всѣ посты, изъ году въ годъ идущіе вѣчной чередой... Священникъ, въ одной рясѣ, безъ ризы непривычно тонкій и высокій, какъ-то по домашнему и по женски простоволосый, стоитъ лицомъ къ закрытымъ царскимъ вратамъ, глубоко поклоняется имъ, такъ что отвисаетъ, отдѣляется отъ груди епитрахиль, и со вздохомъ возвышаетъ голосъ, отдающийся въ грустномъ, покаянномъ сумракѣ, въ печальной пустотѣ: «Господи, Владыко живота моего...» Тихо выйдя изъ церкви, я опять вдыхалъ зимній воздухъ, видѣлъ сизые сумерки. Низко, съ притворнымъ смиреніемъ клонилъ передо мной густую сѣдую голову нищій, приготовивъ ковшикомъ ладонь, когда-же ловилъ и зажималъ пятакъ, взглядывалъ и вдругъ поражалъ: яркіе бирюзовые глаза застарѣлаго пьяницы и невѣроятно-огромный клубничный носъ — тройной, состоящій изъ трехъ крупныхъ, бугристыхъ и пористыхъ клубникъ... Ахъ, какъ опять мучительно-радостно: тройной клубничный носъ!

Я шель внизъ по Болховской, глядя въ темнѣющее небо — въ небѣ мучили очертанія крышъ старыхъ домовъ, непонятная, успокаивающая прелесть этихъ очертаній... Старый человѣческій кровъ — кто объ этомъ писалъ? Зажигались фонари, тепло освѣщались окна магазиновъ, чернѣли фигуры идущихъ по тротуарамъ, вечеръ синѣлъ, какъ синька, въ городѣ становилось сладко, уютно... Я, какъ сыщикъ, преслѣдовалъ то одного, то другого прохожаго, глядя на его спину, на его калоши, стараясь что-то

понять, поймать въ немъ, войти въ него.. Писать! Вотъ о крышахъ, о калошахъ, о спинахъ надо писать, а вовсе не затѣмъ, чтобы «бороться съ произволомъ и насиліемъ, защищать угнетенныхъ и обездоленныхъ, давать яркіе типы, рисовать широкія картины общественности, современности, ея настроеній и теченій!» Я ускорялъ шаги, спускался къ Орлику. Сумерки были уже совсѣмъ сини, фонарь при входѣ на мостъ горѣлъ уже ярко, свѣтло, подъ фонаремъ гнулся, запустивъ руки подмышки, по собачьи глядѣлъ на меня, по собачьи весь дрожалъ крупной дрожью и деревянно бормоталъ: «ваше сіятельство!» стоявшій прямо на снѣгу босыми красными лапами золоторотецъ въ одной рваной ситцевой рубашкѣ и короткихъ розовыхъ подштанникахъ, съ опухшимъ угреватымъ лицомъ, съ мутно-льдыстыми глазками. Я быстро, какъ воръ, хваталъ и за-таивалъ его въ себѣ, совалъ ему за это цѣлый гривенникъ.. Ужасна жизнь! Но точно-ли «ужасна»? Можетъ, она что-то совершенно другое, чѣмъ «ужасъ»? Вотъ я на-дняхъ сунулъ пятакъ такому-же голому пропойцѣ и наивно воскликнулъ: «Это все-таки ужасно, что вы такъ живете!»—и нужно было видѣть, съ какой неожиданной дерзостью, твердостью и злобой на мою глупость хрипло крикнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Ровно ничего ужаснаго, молодой человѣкъ!» — А за мостомъ, въ нижнемъ этажѣ большого дома, ослѣпительно сіяла зеркальная витрина колбасной, вся настолько завѣшанная богатствомъ и разнообразіемъ колбасъ и окороковъ, что почти не видна была бѣлая и свѣтлая внутренность самой колбасной, тоже завѣшенной сверху до низу. «Соціальные контрасты!» — думалъ я ѣдко, въ пику кому-то, проходя въ свѣтъ и блескъ витрины.. На Московской я заходилъ въ извозчичью чайную, сидѣлъ въ ея говорѣ, тѣснотѣ и парномъ теплѣ, смотрѣлъ на мясистыя, алыя лица, на рыжія бороды, на ржавый шелушащійся подносъ, на которомъ стояли передо мной два бѣлыхъ чайника съ мокрыми веревочками, привязанными къ ихъ крышечкамъ и ручкамъ.. На-

блюденіе народнаго быта? Ошибаетесь — только вотъ этого подноса, этой мокрой веревочки!

... ..

Случалось, я шель въ такой вечеръ на вокзалъ. За триумфальными воротами начиналась темнота, уѣздная, ночная глушь. И вотъ, я видѣлъ какой-то уѣздный городишко, невѣдомый, несуществующій, только вообразившійся, но такъ, точно вся моя жизнь прошла въ немъ. Видѣлъ широкія, занесенныя снѣгомъ улицы, черняющія въ снѣгу хибарки, красный огонекъ въ одной изъ нихъ... И съ восторгомъ твердилъ себѣ: да, да, вотъ такъ и написать, всего три слова: снѣга, хибарка и лампада въ ней... больше ничего! — Полевой зимній вѣтеръ уже доносилъ крики паровозовъ, ихъ шинѣніе и этотъ сладкій, до глубины души волнующій чувствомъ дали, простора запахъ каменнаго угля. Навстрѣчу, чернѣя, неслись извозчики съ сѣдоками — пришелъ московскій почтовый? И точно — буфетная зала жарка отъ народа, огней, запаховъ кухни, самовара, носятся, развѣвая фалды фраковъ, татары лакеи, все кривоногіе, темноликіе, широкоскулые, съ лошадиными глазами, съ круглыми, какъ ядра, стриженными сизыми головами... За общимъ столомъ — цѣлое купеческое общество, ѣдятъ холодную осетрину съ хрѣномъ скопцы: большія и тугія бабьи лица цвѣта шафрана, узкіе глаза, лисьи шубы... Въ книжномъ вокзальномъ кіоскѣ было для меня всегда особенное очарованіе, — и вотъ я, какъ голодный волкъ, брожу вокругъ него, тянусь, разглядывая надписи на желтыхъ и сѣрыхъ корешкахъ суверинскихъ книгъ... Однако все это такъ взволновываетъ мою вѣчную жажду дороги, вагоновъ и обращается въ такую тоску по ней, по той, съ кѣмъ бы я могъ быть такъ несказанно счастливъ въ пути куда-то, что я спѣшу вонъ, кидаюсь на извозчика порѣзвѣй и мчусь въ городъ, въ редакцію. Какъ хорошо всегда это смѣшеніе — сердечная боль и быстрота! Сидя въ санкахъ, вмѣстѣ съ ними ны-

ря и стучаясь изъ ухаба въ ухабъ, поднимаю голову — ночь, оказывается, лунная: за мутно идущими зимними тучами мелькаетъ, бѣлѣетъ, свѣтится блѣдное лицо. Какъ оно высоко, какъ чуждо всему! Тучи идутъ, открываютъ его, опять заволакиваютъ — ему все равно, нѣтъ никакого дѣла до нихъ! Я до боли держу голову закинутой назадъ, не свожу съ него глазъ и все стараюсь понять, когда оно, сіяя, вдругъ все выкатывается изъ тучъ: какое оно? Все изнутри ярко свѣтящееся, но какое? Стеариновое? Да, да, стеариновое! Такъ и скажу гдѣнибудь! Въ прихожей наталкиваюсь на удивленную Авилову. «Ахъ, какъ кстати! Ёдемъ на концертъ!» На ней что-то черно-кружевное, очень красивое, сдѣлавшее ее еще меньше, стройнѣй, открывающее плечи, руки, нѣжное, чуть смуглое начало грудей, она причесана у парикмахера, слегка напудрена, отчего глаза кажутся ярче, темнѣй. Я самъ одѣваю ее, съ трудомъ удерживаясь, чтобы вдругъ не поцѣловать это столь близкое голое плечо, одѣваю самъ... На эстрадѣ двусвѣтной, блестящей всѣми люстрами залы Дворянскаго собранія — столичныя знаменитости: красавица пѣвица и огромный, черно-угольный красавецъ пѣвецъ, поражающій, какъ всѣ пѣвцы, удивительнымъ здоровьемъ, грубовеликолѣпной силой молодого жеребца. Онъ, блистая лаковыми туфлями на большихъ ступняхъ, удивительно снитымъ фракомъ, бѣлой грудью и бѣлымъ галстукомъ, вызывающе и героически гремитъ отвагой, мужественностью, требовательностью. Она, то расходясь, то сливаясь съ нимъ, поспѣшно отвѣчаетъ ему, перебиваетъ его нѣжными упреками, жалобами, страстной печалью и восторженной радостью, торопливо-блаженными, хохочущими флюритурами... Празднично, богато дробятся алмазы люстръ, роскошно горячъ, дунистъ воздухъ... Разъѣздъ, какъ всегда послѣ концерта, особенно бодръ, безтолковъ. Ночь уже совсѣмъ ясна, чиста. И все крѣпко, легко, восхитительно: и снѣгъ, и луна, и веселые фонари, и рѣзвые извозчики...

XIII.

Часто я вскакивалъ чѣмъ свѣтъ. Взглянувъ на часы, видѣлъ, что еще нѣтъ семи. Страстно хотѣлось опять вернуться, хоть минуту еще полежать въ теплѣ; въ комнатѣ холодно сѣрѣло, въ тишинѣ еще спящей гостиницы слышно было только нѣчто очень раннее — какъ гдѣ-то въ концѣ коридора шаркаетъ платяной щеткой коридорный, стучаетъ по пуговицамъ. Но охватывалъ такой страхъ опять даромъ истратить день, охватывало такое нетерпѣніе какъ можно скорѣй — и нынче уже какъ слѣдуетъ! — засѣсть за столъ, что я кидался къ звонку, настойчиво гналъ по коридору его зовущее дребезжаніе. Какъ все чуждо, противно — эта гостиница, этотъ грязный коридорный, шаркающій гдѣ-то тамъ щеткой, убогій жестяной умывальникъ, изъ котораго косо бьетъ въ лицо ледяная струя! Какъ жалка моя молодая худоба въ жиденькой ночной рубашкѣ, какъ застылъ голубь, комкомъ сжавшійся за стеклами на зернистомъ снѣгу подоконника! Сердце вдругъ загоралось радостной, дерзкой рѣшимостью: нѣтъ, нынче же вонъ, назадъ, въ Батурино, въ родной, прелестный домъ! Однако, наспѣхъ выпивъ чаю, кое-какъ прибравъ нѣсколько книжечекъ, лежавшихъ на нищемъ столикѣ, приставленномъ возлѣ умывальника къ двери въ другой номеръ, гдѣ жила какая-то поблекшая, печально-красивая женщина съ восьмилѣтнимъ мальчикомъ, я крѣпко погружался въ свое обычное утреннее занятіе: въ приготовленіе себя къ писанію — въ напряженный разборъ того, что есть во мнѣ, въ выискиваніе внутри себя чего-то такого, что вотъ-вотъ, казалось, опредѣлится, во что-то образуется... ждалъ этой минуты и уже волновался, чувствовалъ страхъ, что опять, опять дѣло кончится только ожиданіемъ, все растущимъ волненіемъ, холодѣющими руками, а тамъ полнымъ отчаяніемъ и бѣгствомъ куда-нибудь въ городъ, въ редакцію. Въ головѣ уже опять пута-

лось, шло что-то дикое по своей произвольности, беспорядочности, по множеству самых разнородныхъ чувствъ, мыслей, представлений... Основное было всегда свое, личное, — развѣ и впрямь занимали меня тогда другіе люди, какъ-бы напряженно ни слѣдилъ я за ними? Что-жъ, думалъ я, можетъ быть, просто начать повѣсть о самомъ себѣ? Но какъ? Вродѣ «Дѣтства, отрочества»? Или еще проще? «Я родился тамъ-то и тогда...» Но, Боже, какъ это сухо, ничтожно — и не вѣрно! Я вѣдь чувствую совсѣмъ не то! Это стыдно, неловко сказать, но это такъ: я родился во вселенной, въ безконечности времени и пространства, гдѣ будто бы когда-то образовалась какая-то солнечная система, потомъ что-то, называемое солнцемъ, потомъ земля... Но что это такое? Что я знаю обо всемъ этомъ, кромѣ пустыхъ словъ? Земля была сперва газообразной свѣтящейся массой... Потомъ, черезъ миллиарды лѣтъ, этотъ газъ сталъ жидкостью, потомъ жидкость отвердѣла, и съ тѣхъ поръ прошло еще два милліона лѣтъ, появились на землѣ одноклѣточные: водоросли, инфузоріи... А тамъ — безпозвоночные: черви, моллюски... А тамъ амфибіи... А за амфибіями — гигантскія пресмыкающіяся... А тамъ какой-то пещерный человѣкъ и открытіе имъ огня... Дальше же какая-то Халдея, Ассирія, какой-то Египеть, будто-бы все только возвигавшій пирамиды, да бальзамировавшій муміи... Какой-то Артаксерксъ, приказавшій бичевать Геллеспонтъ... Перикль и Аспазія, битва при Фермопилахъ, Марафонская битва... Впрочемъ, задолго до всего этого были еще тѣ легендарные дни, когда Авраамъ всталъ со стадами своими и пошелъ въ землю Обѣтованную... «Вѣрою Авраамъ повиновался призванію итти въ страну, обѣщанную ему въ наслѣдіе, и пошелъ, не зная куда онъ идетъ...» Да, не зная! Вотъ такъ же, какъ я! «Вѣрою повиновался призванію...» Вѣрой во что? Въ любовную благодать Божьяго велѣнія. «И пошелъ, не зная, куда...» Нѣтъ, зная: къ какому-то счастью, то есть, къ тому, что будетъ мило, хорошо, дастъ радость, то есть чувство люб-

ви,—жизнь... Такъ и я жилъ всегда—только тѣмъ, что вызвало любовь, радость отъ чего-нибудь. Такъ шелъ я и къ ней — для радости любви. И только оттого такъ и мучился — отъ тщетнаго желанія полноты любви, совершенства радостнаго... А что такое — писать? Это непрестанно и наиболѣе напряженно узнать и чувствовать жизнь, ища въ ней радующаго, то есть дающаго любовь... страдать всѣмъ, что мѣшаетъ любви, оскорбляетъ ее...

За дверью возлѣ столика межъ тѣмъ уже слышались голоса, женскій и дѣтскій, стучала педаль умывальника, плескалась вода, заваривался чай, начинались уговоры: «Костенька, кушай-же булочку!» Я вставалъ и принимался ходить по комнатѣ. Вотъ еще этотъ Костенька... Мать, напоивъ его чаемъ, уходила куда-то до полудня. Возвратясь, что-то готовила на керосинкѣ, кормила его и опять уходила. И что это было за мученіе — смотрѣть, какъ этотъ Костенька, ставшій какимъ-то общимъ номернымъ ребенкомъ, весь день шатается по номерамъ, заглядываетъ то къ одному, то къ другому жильцу, если тотъ сидитъ дома, что-то несмѣло говорить, порой старается подольститься, сказать что-нибудь угодливое, а его никто не слушаетъ, иные даже гонять неловкой скороговоркой: «Ну, иди, иди, братецъ, не мѣшай, пожалуйста!» Въ одномъ номерѣ жила маленькая и старенькая дама, очень серьезная, очень приличная, считавшая себя выше всѣхъ прочихъ жильцовъ, всегда проходившая по коридору, не глядя ни на кого изъ встрѣчныхъ, почему-то часто, даже слишкомъ часто запиравшаяся въ уборной и потомъ шумѣвшая въ ней водой. Дама эта имѣла крупнаго, широко-спиннаго мопса, раскормленнаго до жирныхъ складокъ на загривкѣ, съ вылупленными стеклянно-кружевенными глазами, съ развратно переломленнымъ носомъ, съ презрительно-выдвинутой нижней челюстью и прикушеннымъ между двумя клыками жабьимъ языкомъ. У него неизмѣнно было одно и то же выраженіе морды — ничего не выражающее, — однако онъ былъ до крайности нервень. И

вотъ, если Костенька, кѣмъ-нибудь удаленный изъ номера, попадался въ коридорѣ этому мопсу, тотчасъ-же слышно было, какъ мопса схватываетъ за горло злое удушье, клокотанье, хрипъ, быстро переходившій въ негодующее бѣшенство и разрѣшавшійся громкимъ и свирѣлымъ лаемъ, отъ котораго Костенька закатывался истерическимъ воплемъ...

Снова сѣвъ за столъ, я томился убожествомъ жизни, ея, при всей ея обыденности, пронзительной сложностью. Теперь мнѣ хотѣлось что-то сказать уже о Костенькѣ и еще о чемъ-то въ этомъ родѣ. Вотъ, напримѣръ, на подворьи Никулиной однажды съ недѣлю жила, работала швея, длинная, пожилая мѣщанка, что-то все кроила на столѣ, заваленномъ обрѣзками, потомъ прилаживала сметанное въ швейную машину и начинала стрекотать, строчить... Чего стоитъ одно то, какъ она, когда кроила, всячески кривила свой крупный, сухой ротъ, слѣдуя ходу, изгибамъ ножницъ, какъ она наслаждалась за самоваромъ чаемъ, все стараясь сказать что-нибудь льстивое Никулинсой, какъ она, притворно-оживленно заговаривая ее, тянула — будто-бы безсознательно — свою крупную, рабочую руку къ корзиночкѣ съ ломтями бѣлаго хлѣба и косилась на граненую вазочку съ вареньемъ! А хромоножка на костыляхъ, что встрѣтилъ я на дняхъ на Карачевской! Всѣ хромые, горбатые ходятъ вызывающе, заносчиво. Эта скромно ныряла навстрѣчу мнѣ, держа черныя палки костылей въ обѣихъ рукахъ, при ныряньи равномерно упираясь въ нихъ и вскидывая плечи, подъ которыми торчали черныя рогульки, и пристально смотрѣла на меня... шубка коротенькая, какъ у дѣвочки, глаза умные, ясные, чистые, сплошь темные и тоже какъ у дѣвочки, а межъ тѣмъ все уже знающіе въ жизни, въ ея печаляхъ и загадочности... Какъ прекрасны однако бываютъ нѣкоторые несчастные люди, ихъ лица, глаза, изъ которыхъ такъ и сморить вся ихъ душа!

Потомъ я опять пытался погрузиться въ обдумываніе того, съ чего надо начать писать свою жизнь. Да, съ чего! Все-таки надо же прежде всего сказать, если ужъ не о вселенной, въ которой я появился въ ея извѣстный мигъ, то хотя бы о Россіи: дать понять читателю, къ какой странѣ я принадлежу, въ итогѣ какой жизни я появился на свѣтъ. Однако что-же я знаю даже и объ этомъ? Опять ровно ничего! Родовой бытъ славянъ, раздоры славянскихъ родовъ... Славяне отличались высокимъ ростомъ, русыми волосами, храбростью, гостепримствомъ, боготворили солнце, громъ и молнію, почитали дѣшихъ, русалокъ, водяныхъ, «вообще силы и явленія природы»... Что еще? Призваніе князей, Царьградскіе послы у князя Владиміра, сверженіе Перуна въ Днѣпръ при общемъ народномъ плачѣ... Ярославъ Мудрый, усобицы его сыновей и внуковъ... Всеволодъ Большое Гнѣздо... Но мало того, — я ровно ничего не знаю даже о теперешней Россіи! Ну, да, раззоряющіеся помѣщики, голодающіе мужики, земскіе начальники, жандармы, полицейскіе, сельскіе священники, непремѣнно обремененные многочисленнымъ семействомъ... А дальше что? Вотъ Орель, одинъ изъ самыхъ коренныхъ русскихъ городовъ, — хоть бы его-то жизнь, его людей узнать, а что-же я узналъ? Улицы, извозчики, развѣзанный снѣгъ, магазины, вивѣски, — все вивѣски, вивѣски... Архіерей, губернаторъ, гигантъ, красавецъ и звѣрь приставъ Рашевскій... Кто еще? Еще Палицынъ: слава Орла, одинъ изъ столповъ его, одинъ изъ тѣхъ зубровъ чудаковъ, которыми ископи славится Россія; старъ, родовитъ, другъ Хомякова, Аксакова, Лѣскова, живетъ въ чемъ-то вродѣ древне-русскихъ палатъ, бревенчатая стѣны которыхъ покрыты рѣдкими древними иконами, ходитъ въ какомъ-то широкомъ кафтанѣ, расшитомъ разноцвѣтными сафьянами, стрижется въ скобку, туголики, узкоглазъ, очень, видно, остеръ умомъ, начитанъ, по слухамъ, удивительно... Что еще знаю я объ этомъ Палицынѣ?

Но тутъ меня охватывало возмущеніе: да почему я обязанъ что-то и кого-то знать съ точнѣйшей и совершенной полнотью, а не писать такъ, какъ знаю и какъ чувствую! Я опять вскакивалъ и принимался ходить, радуясь своему возмущенію, хватаясь за него, какъ за спасеніе. И неожиданно видѣлъ Святогорскій монастырь, гдѣ былъ весной, разноплеменный станъ богомольцевъ возлѣ его стѣнъ на берегу Донца, послушника, за которымъ гонялся по двору монастыря, напрасно домогаясь, чтобы онъ устроилъ меня гдѣ-нибудь на ночь, то, какъ онъ, пожимая плечами, бѣжалъ отъ меня и весь на-бѣгу развѣвался, — руки, ноги, волосы, полы подрясника, — и какая у него была тонкая, гибкая талія, юношеское, все въ веснушкахъ, лицо, испуганные зеленые глаза и совершенно необыкновенная пышность, взбитость легкихъ, тонкихъ, каждымъ волоскомъ вьющихся свѣтло-золотыхъ волосъ... Потомъ видѣлъ эти весенніе дни, когда я, казалось, безъ конца плылъ по Днѣпру... Потомъ расвѣтъ въ степи подъ Путивлемъ... то, какъ я проснулся на жесткой вагонной лавкѣ, весь закопченый отъ этой жесткости и утренняго холода въ вагонѣ. увидалъ, что за бѣлыми отъ пота стеклами ничего не видно, — совершенно неизвѣстно, гдѣ идетъ поѣздъ! — и почувствовалъ, что это-то и восхитительно, эта неизвѣстность... съ утренней рѣзкостью чувствъ вскочилъ, открылъ окно, облокотился на него: бѣлое утро, бѣлый сплошной туманъ, пахнетъ весеннимъ утромъ и туманомъ, отъ быстрого бѣга вагона бьетъ по рукамъ, по лицу точно мокрымъ бѣльемъ...

XIV.

И вотъ однажды случилось такъ, что почему-то проспалъ я свой положенный срокъ. А проснувшись, остался лежать, какъ лежалъ, глядя напротивъ, въ окно, на розный бѣлый свѣтъ зимняго дня и чувствуя рѣдкое спокой-

ствіе, рѣдкую трезвость ума и души и какую-то малость, простоту всего окружающаго. Я долго лежалъ такъ, чувствуя, какъ легка мнѣ комната, — насколько она меньше меня, ничѣмъ и никакъ не связана со мной. Потомъ всталъ, умылся и одѣлся, привычно покрестился на образокъ, висѣвшій надъ изголовьемъ моей дешевенькой желѣзной кровати, — тотъ самый, что, какъ это ни удивительно, и теперь виситъ въ моей спальнѣ: темнооливковая, гладкая, окаменѣвшая отъ времени дощечка въ серебряномъ грубомъ окладѣ, означающемъ своими выпуклостями трехъ сидящихъ за трапезой Авраама ангеловъ, восточно-дикіе, запеченные лики которыхъ коричнево глядятъ изъ его округлыхъ дыръ, — наслѣдіе рода моей матери и ея благословіе мнѣ на жизненный путь, на исходъ въ міръ, на-люди изъ того подобія иночества, которымъ было мое дѣтство, отрочество, время первыхъ юныхъ лѣтъ, вся та глужая, сокровенная пора моего земного существованія, что кажется мнѣ теперь совсѣмъ особой порой его, заповѣдной, сказочной, давностью времени преображенной какъ бы въ нѣкое огдѣльное, даже мнѣ самому чужое бытіе... Покрестившись на этотъ образокъ, я пошелъ за покупкой, которую выдумалъ лежа. По дорогѣ вспомнилъ сонъ, который видѣлъ въ эту ночь: была масляница, я опять жилъ у Ростовцевыхъ, сидѣлъ съ отцомъ въ циркѣ, глядѣлъ на арену, на которую бѣжало цѣлое маленькое стадо черныхъ пони, цѣлыхъ шесть штукъ... онѣ были нарядно подсѣдланы маленькими мѣдными сѣделками съ бубенчиками и очень круто взнузданы, — красныя бархатныя поводья уздѣчекъ были такъ натянуты къ сѣделкамъ, что онѣ въ дугу гнули толстыя короткія шеи, на которыхъ черной щеткой торчали коротко подстриженныя гривки, — а изъ челокъ торчали у нихъ красныя султаны... онѣ бѣжали дружно, равнымъ рядомъ, мелкой рысцей, звеня бубенчиками, зло, упрямо согнувъ черныя головы, — всѣ масть въ масть, ростъ въ ростъ, всѣ одинаково бокастыя, корот-

коногія, — и, выбѣжавъ, вдругъ уперлись, грызя удила и тряся султанами... директоръ во фракъ долго вскрикивалъ, долго стрѣлялъ бичемъ, пока наконецъ заставилъ ихъ упасть на колѣни и закланяться публикѣ, послѣ чего вдругъ заскакавшая обрадованнымъ галопомъ музыка быстро понесла, погнала ихъ вереницу вдоль круга арены, точно преслѣдуя... Я сходилъ въ писчебумажный магазинъ, купилъ толстую тетрадь въ черной клеенкѣ. Возвратясь, сталъ пить чай, думая: «Да, довольно. Буду только читать, да иногда, безъ всякихъ притязаній, кое-что вкратцѣ записывать — всякія свои мысли, чувства, наблюденія...» И, обмакнувъ перо, старательно и четко вывелъ:

— Алексѣй Арсеньевъ. Записи.

Потомъ долго сидѣлъ безъ движенія, думая, что записать. Сидѣлъ до самаго завтрака, накурилъ всю комнату, но не мучился, былъ только грустенъ и тихъ. Наконецъ записалъ:

— Въ редакцію заходилъ извѣстный толстовецъ, князь Н., просилъ напечатать его отчетъ по сбору и расходамъ на тульскихъ голодающихъ. Небольшой, довольно полный. Какіе-то мягкіе, вродѣ кавказскихъ, сапоги, каракулевая шапка, пальто съ каракулевымъ воротникомъ, — все старое, вытертое, но дорогое и чистое, — мягкая сѣрая блуза, подпоясанная ремешкомъ, подъ которымъ круглится животъ, и золотое пенснэ. Держался очень скромно, но мнѣ было очень непріятно его благообразное, холеное, молочное лицо и холодные глаза. Я его сразу возненавидѣлъ. Я, конечно, не толстовецъ. Но все-таки я совсѣмъ не то, что думаютъ всѣ! Я хочу, чтобы жизнь, люди были прекрасны, вызывали любовь, радость и ненавижу только то, что мѣшаетъ этому!

Итти завтракать въ редакцію не хотѣлось. Я пошелъ въ старый трактиръ на Московской. Тамъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, закусывая селедкой; ея распластанная головка лежала на тарелкѣ, я глядѣлъ и думалъ: «Это тоже надо записать — у селедки перламутровыя щеки». По-

томъ ѣлъ селянку на сковородкѣ. Народу было немало, пахло блинами и жареными снѣтками, въ низкой залѣ было чадно, бѣлые половые бѣгали, танцую, выгибая спины и откидывая затылки, хозяинъ, во всемъ являвшій собой образецъ тоже русскаго духа, внимательно косилъ за каждымъ изъ нихъ глазами, картинно стоя за стойкой, играя давно усвоенную роль строгости и благочестія; между столиками, занятыми мѣщанами, тихо ходили въ грубыхъ башмакахъ съ ушками и тихо кланялись низенькія черныя монашенки, похожія на галокъ, протягивали черныя книжечки съ галуннымъ серебрянымъ крестомъ на переплетѣ, я мѣщане, хмурясь, выбирали изъ кошельковъ какія похуже копѣйки... Все это было какъ-бы продолженіемъ моего сна, я, слегка хмелья отъ водки, селянки и воспоминаній дѣтства, чувствовалъ близость слезъ... Воротаясь домой, легъ и заснулъ. Съ грустью и раскаяніемъ въ чемъ-то очнувшись въ сумерки, посмотрѣлся, причесываясь, въ зеркало, съ неудовольстіемъ замѣтилъ излишнюю артистичность своихъ волосъ и пошелъ въ парикмахерскую. Въ парикмахерской сидѣлъ подъ бѣлымъ балахономъ кто-то низкорослый, съ голымъ плоскимъ черепомъ, съ торчащими ушами, — нетопырь, которому парикмахеръ удивительно густо и пышно взмывливалъ верхнюю губу и щеки. Ловко снявъ всю эту млечность бритвой, парикмахеръ опять немножко взмылилъ и опять снялъ, — на этотъ разъ исподнизу, небрежными, короткими толчками, и нетопырь раскорякой привсталъ, потянулъ за собой балахонъ, наклонился, багрово покраснѣлъ и сталъ одной рукой придерживать на груди, другой умываться.

— Спрыснуть прикажете? — спросилъ парикмахеръ.

— Вали, — сказалъ нетопырь.

И парикмахеръ зашипѣлъ пульверизаторомъ, легонько похлопалъ по щекамъ нетопыря салфеткой.

— Пожалуйте-съ, — сказалъ онъ четко, раскидывая балахонъ. И нетопырь всталъ и оказался довольно страшень: черепъ ушастый, большой, лицо худое и широкое, сафьян-

ное, глаза послѣ бритья младенчески блестящи, дыра рта черна, а самъ низокъ, плечистъ, туловище короткое, научиное, ноги тонки и какъ-то по татарски, по наѣзднически кривы. Сунувъ парикмахеру на чай, онъ надѣлъ бѣлое шелковое кашнэ, ослѣзное черное пальто и котелокъ, закурилъ сигару и вышелъ. Парикмахеръ обратился ко мнѣ:

— Знаете, кто это? Первѣйшій богачъ, купецъ Ермаковъ. Знаете, сколько онъ всегда даетъ на чай? Вотъ-съ:

Онъ раскрылъ ладонь и, весело смѣясь, показалъ:

— Ровно двѣ копѣйки!

Потомъ я, по своему обыкновенію, пошелъ бродить по улицамъ. Увидѣвъ церковный дворъ, вошелъ въ него, потомъ вошелъ въ церковь, — уже образовалась отъ одиночества, отъ грусти привычка къ церквямъ. Тамъ было тепло и грустно-празднично отъ блеска свѣчей, жарко горѣвшихъ цѣлыми пучками на высокиихъ подсвѣчникахъ вокругъ налоя, на налоѣ лежалъ мѣдный крестъ съ фальшивыми рубинами, передъ нимъ стояли священнослужители и умиленно-горестно пѣли: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...» Въ сумракѣ возлѣ входа стоялъ большой старикъ въ длинной чуйкѣ и кожаныхъ калошахъ, грубый и крѣпкій, какъ старая лошадь, и сурово (въ назиданіе кому-то) гудѣлъ, подпѣвая. А въ толпѣ возлѣ налоя стоялъ странникъ, тепло освѣщенный спереди золотымъ восковымъ свѣтомъ. Онъ былъ лещерно худъ, склоненнаго лица его, иконописно-тонкаго и темнаго, почти не видно было за космами длинныхъ темныхъ волосъ, первобытно, иночески и женски висѣвшихъ вдоль щекъ; въ лѣвой рукѣ онъ твердо держалъ высокій деревянный посохъ, за долгіе годы натертый рукой до блеску, за плечами у него былъ черный кожаный мѣшокъ, онъ стоялъ одиноко, неподвижно, отрѣшенно отъ всѣхъ... Я глядѣлъ и опять слезы навертывались мнѣ на глаза — отъ неудержимо поднимавшагося въ груди сладкаго и скорбнаго чувства родины, Россіи, всей ея темной древности... Кто-то сзади,

снизу, легонько постучалъ мнѣ по плечу свѣчкой: я обернулся — за мной гнулась старушка въ салопчикѣ и большой шали, съ однимъ добрымъ торчащимъ зубомъ: «Кресту, батюшка!» Я съ радостной покорностью взялъ свѣчку изъ ея холодной, мертвой ручки съ синеватыми ноготками, шагнулъ къ слѣпящему подсвѣчнику, неловко и стыдясь за свою неловкость, кое-какъ пристроилъ свѣчку къ прочимъ и вдругъ подумалъ: «Уѣду!» И, отступивъ и поклонившись, скоро и осторожно пошелъ въ сумракъ къ выходу, оставляя за собой милый, уютный свѣтъ и тепло церкви. На паперти встрѣтила непривѣтливая темнота, вѣтеръ, гудѣвшій гдѣ-то вверху... «Ѥду!» — сказалъ я, надѣвая шапку. — «Въ Смоленскъ...»

Почему Смоленскъ? Сказочные Брянскіе лѣса, снѣга... «Брынскіе» лѣса, «брынскіе» разбойники, лубочныя базарныя книжечки, дикая прелесть темной и вольной русской мечты... Въ какой-то простонародной улицѣ — теперь хотѣлось именно этого, простонародности, старой, темной Руси, — я зашелъ въ кабакъ. Въ кабакъ за однимъ столикомъ кричалъ, роняя голову, притворяясь пьянымъ, играя излюбленное русское — умиленіе надъ своей гибелью — какой-то гадкій малый: «Я ошибкой — роковою — какъ-то въ каторгу попалъ!» На него брезгливо смотрѣлъ изъ-за другого столика кто-то съ черными рѣдкими усиками, съ закинутой назадъ головой, — судя по длинной шеѣ, по острому, крупному и подвижному кадыку, игравшему подъ тонкой кожей горла, воръ. Возлѣ стойки покачивалась длинная хмельная женщина въ жидкомъ, прилипшемъ къ тощимъ ногамъ платьѣ, видимо, прачка: она, доказывая сидѣльцу подлость кого-то, была по стойкѣ стекловидно-блестящими, тонкими, состиранными пальцами; граненый стаканчикъ съ водкой стоялъ передъ ней, она порой брала его, держала и все не пила — опять ставила и опять говорила, хлопая пальцами. Я хотѣлъ выпить пива, но прѣлый воздухъ въ кабакъ былъ слишкомъ воюющъ, лампочка горѣла слишкомъ убого; съ подоконни-

ковъ маленькихъ замерзшихъ оконъ, съ тряпокъ, гнившихъ тамъ, текло... «Извозчикъ!» — крикнулъ я, выйдя.

У Авиловой, къ несчастью, сидѣли въ столовой гости. «— А-а! — сказала она. — Нашъ милый поэтъ! Вы не знакомы?» — Я поздоровался съ ней, откланялся гостямъ. Напротивъ нея сидѣлъ размытый, морщинистый господинъ съ подстриженными усами, выкрашенными въ коричневую краску, съ коричневой накладкой на темени, въ бѣломъ пикейномъ жилетѣ, въ черной визиткѣ; быстро вставъ, онъ отвѣтилъ мнѣ чрезвычайно вѣжливымъ поклономъ, съ гибкостью удивительной для его возраста; борты визитки были у него обшиты черной тесьмой, что мнѣ всегда очень нравилось, вызывало зависть и мечту о такой визиткѣ. Середину стола занимала безъ умолку и очень умѣло говорившая дама, подавшая мнѣ точно тюленью лапу, крѣпко налитую ручку, на глянцевитой подушечкѣ которой были видны зубчатая полоски, оставшіяся отъ швовъ перчатки. Она говорила ловко, но послѣшно, нѣсколько задыхаясь: она была совсѣмъ безъ шеи, довольно толста, особенно сзади, возлѣ подмышекъ, каменно кругла и тверда въ талии, стянутой корсетомъ; на плечахъ у нея лежалъ дымчатый мѣхъ, запахъ котораго, смѣшанный съ запахомъ сладкихъ духовъ, шерстяного платья и теплаго тѣла, былъ очень душистъ.

Въ десять гости поднялись, налюбезничали и ушли; по той почтительности, съ которой одѣвалъ даму господинъ, видна была ихъ тайная близость. Авилова засмѣялась.

— Охъ, наконецъ-то! — сказала она. — Пойдемъ, посидимъ у меня. Здѣсь надо открыть форточку... Но, дорогой мой, что вы какой-то такой? — съ ласковой укоризной сказала она, протягивая мнѣ обѣ руки.

Я сжалъ ихъ и отвѣтилъ:

— Я завтра уѣзжаю..

Она взглянула испуганно и удивленно:

— Куда?

-- Въ Смоленскъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ-то не могу больше такъ жить....

— А въ Смоленскѣ что? Но давайте сядемъ хоть тутъ...
Я ничего не понимаю...

Мы сѣли на тахту, покрытую лѣтнимъ чехломъ изъ
полосатаго тика.

— Вотъ видите этотъ тикъ? — сказалъ я. — Вагон-
ный. Я даже этого тика не могу видѣть спокойно, тянетъ
ѣхать.

Она усѣлась поглубже, маленькія ноги ея въ легкихъ
туфелькахъ легли передо мною.

— Но почему Смоленскъ? — спросила она, даже какъ-
то несмѣло глядя на меня недоумѣвающими глазами.

Я наклонился и поцѣловалъ ея чулокъ, возлѣ подъема.

— Потомъ въ Витебскъ... въ Полоцкъ...

— Зачѣмъ?

— Не знаю. Прежде всего — очень нравятся слова:
Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ...

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Я не шучу. Развѣ вы не знаете, какъ хороши нѣко-
торыя слова? Смоленскъ вѣчно горѣлъ въ старину, вѣч-
но его осаждали... Я даже что-то родственное чувствую къ
нему — тамъ когда-то, при какомъ-то страшномъ пожарѣ
погорѣли какія-то древнія грамоты нашего рода, отчего
мы лишились какихъ-то большихъ наслѣдныхъ правъ и
родовыхъ привелегій...

— Чась отъ часу не легче! Вы очень тоскуете? Она
вамъ не пишетъ?

— Пишетъ. Но не въ томъ дѣло. Вся эта орловская
жизнь не по мнѣ. «Знаетъ олень кочующій ластбища
свои...» И литературныя дѣла совсѣмъ никуда. Сижу все
утро и въ головѣ такой вздоръ, точно я сумасшедшій.
Вотъ у насъ въ городѣ бѣгаетъ по улицамъ дурачекъ —
все размахиваетъ руками, дирижируетъ воображаемымъ
оркестромъ, дудитъ въ слюнявыя губы. Вотъ и я такъ-же.
Потомъ есть у насъ въ Батуриѣ дочь лавочника, — уже

потеряла надежду выйти замужъ и потому живетъ только острой и злой наблюдательностью. Вотъ и я въ этомъ родѣ.

— Какой еще ребенокъ! — сказала она ласково и пригладила мнѣ волосы.

— Быстро развиваются только низшіе организмы, — отвѣтилъ я. — И потомъ, кто не ребенокъ? «До самой старости мы дѣти!» Вотъ я разъ ѣхалъ въ Орель, со мной сидѣлъ членъ елецкаго окружного суда, почтенный, серьезный человекъ, похожій на пиковаго короля.. Долго сидѣлъ, читалъ «Новое Время», потомъ всталъ, вышелъ и пропалъ. Я даже обезпокоился, тоже вышелъ и отворилъ дверь въ сѣни. За грохотомъ поѣзда онъ не слышалъ и не видалъ меня — и что-же мнѣ представилось? Онъ залихватски плясалъ, выдѣлывалъ ногами самыя отчаянныя штуки въ ладъ колесамъ.

— Мудрецъ мой глупенькій! — сказала она.

И, поднявъ глаза, вдругъ негромко спросила:

— Хотите, поѣдемъ въ Москву?

Потомъ стала смущенно улыбаться:

— Поѣдемъ за городъ, въ Стрѣльну, къ Яру... Что вы себя все мучите!

Что-то представилось мнѣ, что-то жутко и дико содрогнулось во мнѣ.. Я покраснѣлъ, забормоталъ, отказываясь, благодарности... Всю жизнь вспоминалъ я потомъ эту минуту съ болью большой, невозвратимой потери...

Слѣдующую ночь я проводилъ уже въ вагонѣ, въ голломъ купѣ третьяго класса. Былъ совсѣмъ одинъ, даже немного боязно было. Слабый свѣтъ фонаря печально дрожалъ, качался по деревяннымъ лавкамъ. Я стоялъ возлѣ чернаго холоднаго окна, изъ невидимыхъ отверстій котораго остро и свѣжо дуло, и, загородивъ лицо отъ свѣга руками, напряженно вглядывался въ ночь, въ лѣса. Тысячи красныхъ пчелъ неслись, развѣвались тамъ, иногда, вмѣстѣ съ зимней свѣжестью, пахло ладаномъ, горящими въ паровозѣ дровами... О, какъ сказочно мрачна, строга,

величава была эта лѣсная ночь, безконечная, узкая и глубокая простѣка лѣснаго пути, великіе, темные призраки вѣковых сосенъ, тѣснымъ, дремучимъ строемъ шедшихъ вдоль него! Свѣтлые четырехугольники оконъ косо бѣжали по бѣлымъ сугробамъ у подножія лѣса, — выше все тонуло во тьмѣ и тайнѣ...

Утромъ было внезапное, бодрое пробужденіе: все свѣтло, спокойно, поѣздъ стоитъ — уже Смоленскъ, большой вокзалъ, горячій чай, кофе... Я выскочилъ изъ вагона, жадно глотнулъ чистаго воздуха... У дверей вокзала толпился возлѣ чего-то народъ: я подбѣжалъ — это лежалъ убитый на охотѣ дикій кабанъ, грубый, огромный, могучій, закофенѣвшій и промерзшій, страшно жесткій даже на видѣ, весь торчащій сѣрыми длинными иглами густой щетины, пересыпанной сухимъ снѣгомъ, съ свинными глазками, съ двумя крѣпко закушенными бѣлыми клыками... «Остаться? — подумалъ я. — Нѣтъ, дальше, въ Витебскъ!»

Въ Витебскъ я пріѣхалъ къ вечеру. Вечеръ былъ морозный, свѣтло-желтый. Всюду было очень снѣжно, глухо и чисто, дѣйствиительно, городъ показался мнѣ древнимъ и не-русскимъ: высокіе, въ одно слитые дома съ крутыми крышами, съ небольшими окнами, съ глубокими и грубыми полукруглыми воротами въ нижнихъ этажахъ... Сперва встрѣчались все только старые евреи, въ лапсердакахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, въ башмакахъ, съ пейсами, похожими на трубчатые, вьющіеся бараньи рога, съ безкровными лицами, съ вопросительными, сплошь темными глазами. Но на главной улицѣ было гулянье — медленно и жеманно двигалась по тротуарамъ густая толпа полныхъ барышень, наряженныхъ съ провинціальной еврейской пышностью въ бархатныя толстыя шубки, лиловыя, голубыя и гранатовыя. За ними, но довольно отдѣльно, цѣлыми стадами шли молодые люди, всѣ въ котелкахъ, но тоже съ пейсами, съ дѣвичьей нѣжностью и округлостью восточно-конфетныхъ лицъ, съ шелковистой юношеской опушкой вдоль щекъ, съ темными антилопными взглядами...

Въ какомъ остромъ чувствѣ удивительнаго одиночества, удивительной свободы отъ всего въ мірѣ шель я въ этой толпѣ, въ этотъ субботній вечеръ, въ этомъ столь древнемъ, какъ мнѣ казалось, городѣ, во всей заброшенности его и чудной новизнѣ для меня!

Темнѣло, я куда-то свернулъ, увидалъ желтый костель съ двумя звонницами и поспѣшилъ войти. Войдя, увидалъ полумракъ, ряды скамеекъ, впереди, на престолѣ, полукругъ огоньковъ. И тотчасъ медлительно, задумчиво и гнусаво запѣлъ гдѣ-то надо мной органъ, потекъ глухо и плавно, потомъ сталъ возмущаться, расти — рѣзко, металлически... сталъ кругло дрожать, скрежетать, какъ-бы вырываясь изъ-подъ чего-то, глушившаго его, потомъ вдругъ вырвался и звонко разлился чистыми, небесно-высокими пѣснопѣніями... Впереди, среди огоньковъ, то подымалось, то падало горловое бормотаніе, гнусаво раздавались латинскіе возгласы. Въ сумракѣ, по обѣимъ сторонамъ уходящихъ впередъ толстыхъ каменныхъ колоннъ, терявшихся вверху въ темнотѣ, привидѣніями шли одинъ за другимъ черные латники, — желѣзные ноги, доспѣхи, шлемы. Въ высотѣ надъ алтаремъ сумрачно умирало большое гнѣздо таинственно-прозрачныхъ самоцвѣтовъ, — карминъ, индиго, что-то желто-топазовое... Я сталъ на колѣни подъ каменнымъ кубомъ, на которомъ возвышался желѣзный рыцарь, опустилъ голову... Сердце во мнѣ истекало безсильной болью и безсильной нѣжностью ко всему, ко всѣмъ...

Ив. Бунинъ.